

18+

Джэер Анко

Самый человечный
цвет

Анко Джэер

Самый человечный цвет

«Издательские решения»

Джэер А.

Самый человечный цвет / А. Джэер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-966282-8

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** Иногда случайная встреча может изменить жизнь.

Иногда таких встреч три. А потом начинается путешествие длиной в бесконечность, новые знакомства и приключения. Эта книга о том, что добра в мире куда больше, чем зла, и если вам нужна помощь, всегда найдутся люди, готовые ее оказать. И что всегда нужно верить во что-то хорошее. Например, в людей и звезды.

ISBN 978-5-44-966282-8

© Джэер А.

© Издательские решения

Самый человеческий цвет

Анко Джэер

Дизайнер обложки Анко Джэер

© Анко Джэер, 2019

© Анко Джэер, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4496-6282-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Разве ты не любишь прощаться?

– Йонас Бьер

Дело не в кофе.

– Говард Бехар

Моим друзьям, бывшим и настоящим

Этот мир огромен, как Вселенная, и мал, как спичечная коробка. Или, скорее, мир людей похож на звездное небо. Часто кажется, что кто-то находится так близко, как двойная звезда, а оказывается, что этот человек – за сотни световых лет от тебя, и даже не слышит то, что ты говоришь. Но бывает и так, что ты встречаешь кого-то в самом сердце Нигде, в самый разгар Никогда, и понимаешь, что этого человека ты уже ни за что не забудешь, даже если к голове подключат электроды и пустят через мозг разряд в тысячу вольт.

Сейчас, когда я вспоминаю все, что происходило тогда, мне кажется, что это было не со мной – уж слишком сюрреалистично, слишком надумано! Но ни один фантаст не сможет, порой, выдумать такую историю, которая вполне может произойти на соседней улице.

Я никогда не умел хорошо рассказывать, я больше слушатель по натуре, а не рассказчик. Но, разбираясь на чердаке, мы с моей маленькой дочуркой наткнулись на вещь, которая, как ключ, открыла дверь в мою память, и воспоминания хлынули бескрайним глубоким потоком...

Тогда мне было двадцать четыре. Это было душное лето в Берлине, и я, покидав в рюкзак кое-какие шмотки и взяв футляр с инструментом, отправился в путешествие по старушке Европе, совершенно не представляя своего маршрута. Но, по крайней мере, у меня был атлас.

Я ел пиццу в Неаполе и бродил по Колизею в Риме, купался в Эгейском море, а потом хотел было проиграть остатки денег в Монако, но в казино меня так и не пустили. Тогда я проехался автостопом по югу Франции, а через пару дней обнаружил себя на Рамблас в Барселоне, играющим на своем потертом, выдавшем виды саксе для веселой толпы туристов и каталонцев. Я познакомился с серферами, и они научили меня держаться на доске, и, кажется, я даже немного влюбился в одного из них, с тонкими чертами лица, прической в битловском стиле и голубыми глазами. Но, конечно, мне так только показалось. Дело было в том, что я без памяти влюбился в саму Барселону. И как можно было не влюбиться в этот восхитительный город? Какой черствой душой надо обладать, чтобы остаться к нему равнодушным?!

А потом я уехал в Мюнхен, чтобы не пропустить летний фестиваль, и именно там и тогда я встретил девушку, которая потом стала моей женой. Я просто сидел на тротуаре и ел сэндвич, а она шла мимо, закинув на плечо гитару, и остановившись напротив, спросила, где я взял сэндвич. Я поделился с ней, а через некоторое время понял, что хочу делить с ней вообще все радости этой жизни, большие и маленькие. Ее звали Дэни, и она приехала из Ливерпуля, и разделяла мои взгляды на глажку постельного белья. Да, она тоже ненавидела его гладить и не понимала, зачем это вообще надо было делать, чем повергала в ужас отца и заставляла дядю улыбаться. Она рассказывала мне о своих удивительных родителях и о своем городе, и обо всем, что происходило с ней в жизни... а я сказал, что ей обязательно надо побывать в Барселоне. Поэтому, когда фестиваль закончился, она взяла свою гитару, рюкзак, поцеловала меня и села в автобус.

– Отправляйся в Калифорнию, Марко! – крикнула она, высовываясь из окна.

И именно эти ее слова изменили течение всей моей жизни. Потому что я решил, что я не зря встретил эту девушку на своем пути, и что, если она что-то говорит мне, это неспроста. И потом, она же уехала в Барселону по моему совету? Так почему бы мне не последовать ее!

Я любил ее безмерно. А она – меня. Мы просто знали это, поэтому так легко расстались. Ни у одного из нас не было ни малейшего сомнения, что мы встретимся вновь.

И через пару дней я, уставший, со ста долларами в кармане, оказался на Аллее Славы, в самом сердце Голливуда. Я не имел ни малейшего представления, куда мне идти и чем заниматься, и где я проведу ночь, пока тоже было неясно, но меня это как-то не слишком заботило.

Был разгар жаркого солнечного летнего дня, мимо меня ходили толпы туристов и зевак, а я, глупо улыбаясь, смотрел, как в неопишимо-синее небо упрутся острые пики крыши Китайского театра.

Аллея Славы не так сильно привлекала меня, как другая улица этого сумасшедшего города. Купив простенькую карту в сувенирном магазине, я быстро сориентировался и пошел на бульвар Сансет. О, да! Самая знаменитая рок-улица мира оказалась именно такой, какой я ее себе и представлял – извилистой, еще полусонной в начинающемся вечере, готовящейся к ночной жизни. Одним концом она упиралась в пафосный даунтаун, где к небу тянулись святающиеся небоскребы из стекла, стали и бетона, а другим – в золотой пляж и безбрежный великий океан.

Я решил выпить кофе и забрел в кафе, настолько маленькое, что там не оказалось свободных мест. И именно тогда я заметил ее – эту девушку, которая изменила все течение моей жизни, равно как и течения еще миллиона, а то и миллиарда других жизней.

Она сидела у крохотного столика у окна, положив ноги на стул напротив, пила кофе и читала книгу в потертой обложке. Это был Стейнбек, избранное. На ней была длинная светлая рубашка, даже, наверное, платье-рубашка, узкие синие джинсы и сандалии. Темные прямые волосы были пострижены ассиметрично, спускаясь почти до плеча с одной стороны и резко обрезанны с другой. Глаза прятались за тонкими стеклами круглых синих очков.

Она поймала мой взгляд и приветливо улыбнулась. Я слегка смутился.

– Простите, я просто...

– Присоединяйся, – беззаботно сказала она, убирая со стула ноги.

Я взял кофе, сэндвич и сел напротив нее. Она спокойно продолжала читать, видимо справедливо решив, что события в книге куда интереснее, чем все то, что происходило вокруг нее. Я не решался заговорить с ней, я вообще не понимал, зачем я там сидел?

Вдруг она закрыла книгу и убрала ее в связку. Это было так неожиданно, что она носила с собой такое количество литературы! Кроме книг, у нее была еще сумка через плечо, одна из тех, что снаружи, вроде бы, маленькая, но оказывается совершенно бездонной, когда дело доходит до упаковывания в нее слона или небольшого самолета. Когда я доел, она резко вскинула на меня глаза.

– Хочешь, я покажу тебе мою любимую звезду на бульваре?

Я чуть не поперхнулся кофе от неожиданности. Она встала, выбросила стакан в урну, взяла свои вещи и пошла к двери. На выходе она оглянулась.

– Эй, ну ты идешь или что?

Я схватил рюкзак и выбежал за ней. Мы вместе шли по бульвару, греясь на уже начавшем клониться к закату солнце. Над нами проплывали пушистые кроны высоких пальм, мимо проезжали машины, автобусы, проходили люди. Я покосился на девушку. Она казалась совершенно счастливой. Она смотрела по сторонам, улыбаясь радостной улыбкой, как будто видела все это в первый раз, как будто радовалась каждой секунде своей жизни.

– Меня зовут Марко, – тихо сказал я, – Марко Берг.

Она резко остановилась и протянула мне руку.

– Приятно познакомиться! А я – Джой Колори.

– И мне приятно. Какое удивительное имя!

Мы шли прямо, а потом свернули на Вайн стрит.

– «Колори» – это по-итальянски «цвета».

– И ты, похоже, выбрала синий, – усмехнулся я.

Тем временем мы уже пересекли Голливудский бульвар и шли вверх по улице, прямо к шпилью знаменитой звукозаписывающей компании. Вдруг она резко остановилась и медленно опустилась на колени у одной из звезд. Я посмотрел через ее плечо на тротуар – она выбрала звезду гитариста легендарной ливерпульской четверки. Девушка вынула из сумки упаковку влажных салфеток и стала осторожно и невозмутимо протирать звезду, пока та ни заблестела, как настоящая. Потом она ласково провела кончиками пальцев по имени и заулыбалась еще шире.

Я наблюдал за ней со смесью смущения и восхищения. Мимо ходили люди, туристы смотрели на нее, как на ненормальную, но она все делала так, как будто это был ее ежедневный ритуал, как будто так и должно было быть. Я опустил перед ней на корточки.

– Твоя любимая звезда, да?

– Мой любимый мужчина.

– О...

Она поднялась на ноги и пожала плечами.

– Я влюбилась в него очень-очень давно, так что это по-настоящему. И потом, я не встретила никого, кто показался бы мне достойным того, чтобы занять его место в моем сердце.

– Но ведь он умер...

– И что теперь?

Она вытянула из выреза рубашки медальон на длинной цепочке и раскрыла его. В нем была черно-белая фотография музыканта. Я заулыбался, и она ответила тем же.

– Ты смешная.

Мы молча шли по бульвару. Я с интересом оглядывался по сторонам, рассматривал людей, здания, сверкающие вывески, звезды под ногами... она просто глядела перед собой, и с ее губ не исчезала счастливая улыбка. Кажется, она навсегда приклеилась к ней.

Неподалеку от театра Кодак на тротуаре стоял паренек в узких джинсах и футболке и пел какую-то песню, аккомпанируя себе на гитаре. Мы остановились послушать. Джой вдруг резко повернулась ко мне.

– Ты ведь тоже музыкант, подыграй ему!

Я огляделся.

– Я не знаю эти песни...

Она слегка склонила голову, щурясь за стеклами очков, но потом снова заулыбалась. Она подошла к пареньку поближе и запела вместе с ним. Он удивленно взглянул на нее, но потом одобрительно закивал. Они пели вместе какую-то песню о любви. Ее голос был похож на виолончель, и когда она пела, в нем появлялась приятная хрипотца, его голос – на блюзовую электрогитару. Вместе они звучали просто изумительно!

Люди останавливались, кивали в такт музыке, кидали в раскрытый чехол деньги и конфеты, фотографировали их. Они спели несколько песен, а потом Джой вытащила из своей бездонной сумки огромный «Палароид» и сфотографировалась с парнем. Убрала и камеру, и снимок обратно в сумку, она помахала мальчику рукой и направилась ко мне.

– Это... это было так здорово! – пробормотал я, – вы часто так делаете?

– Что? А, нет, я даже не знаю, как его зовут, первый раз в жизни его вижу...

– Ты серьезно?

Она кивнула.

Мы просто шагали по бульвару, не разговаривая и не глядя друг на друга. Она ступала очень осторожно, стараясь не касаться подошвами плеяд красных звезд с золотыми надписями, а я каждый раз с восхищением упирался взглядом в эти имена, известные всему миру. Все-таки, Голливуд – это совершенно уникальное явление. Да, это не район города, не город, это именно явление, загадочное и блестящее. Как получилось, что столько невероятно талантливых людей в итоге оказались в одном месте? Как вообще получилось, что такое явление, как Голливуд стало возможно? Место, куда стекались самые смелые и чокнутые люди планеты. Конечно, это было неизбежно. Если бы Голливуд не существовал, его обязательно выдумал бы какой-нибудь писатель, сидя за столиком очередного парижского кафе. Нет, правда!

А Джой просто шла вперед, оглядываясь по сторонам. Ее не сильно интересовали звезды на бульваре – она даже под ноги себе не смотрела, чтобы их обходить, она наизусть знала их расположение. Она смотрела на людей вокруг. На туристов, продавцов, на веселых ребят в костюмах Человека-Паука и Дарта Вейдера. Джек Воробей обхватил ее за талию и прижался

щекой к ее щеке в ожидании кадра, и Джой, смеясь, вытащила свой огромный фотоаппарат и сфотографировалась с этим ожившим сказочным персонажем.

– Тебе здесь нравится? – спросила она, наконец снова обратив на меня внимание, когда мы дошли до истока бульвара и встали под ротонду по разные стороны от восхитительной Дороти Дэндридж.

Я искоса взглянул на нее. Джой улыбалась, как и все то время, что я был с ней знаком.

– Да.

– Лаконично, – усмехнулась она, переводя на меня взгляд.

Мы пошли дальше и совсем скоро снова оказались на Сансете. И двинулись дальше, чтобы поглядеть на сверкающий огнями бульвар. Было уже глубоко за полночь, но город и не думал замирать или даже хотя бы сбавлять громкость. Нет, сон в этом месте был не предусмотрен программой.

Из клубов по обе стороны широкой улицы летели звуки музыки. Я никогда еще не оказывался в месте, где одновременно, не сговариваясь, включали бы столько отличных песен! Я влюбился в Сансет, мне захотелось прижаться душой к этому невероятному, странному, веселому, полупьяному бульвару и никогда не покидать его.

Джой вдруг схватила меня за руку и, прямо наперерез машинам, бросилась на другую сторону. Под пронзительные гудки и с громким смехом, мы вылетели на противоположный тротуар, и она подвела меня к какому-то невысокому ограждению, за которым был крутой спуск.

– Смотри! – велела она, указывая куда-то вперед, и я увидел.

В темноте нахлынувшей ночи, зажатый между Голливудскими холмами и бескрайним Тихим океаном, горел, словно Олимпийский факел, город Ангелов. Над небоскребами и магистралями висело такое яркое неоновое зарево, что, я был уверен, ни одна ядерная бомба не сможет пробиться сквозь эту броню.

– Я знаю, о чем ты думаешь, – улыбнулась Джой, – да, это то самое «пуленепробиваемое свечение». Этот город хорошо защищен...

– Я... я, кажется, влюбился...

Она рассмеялась.

– Погоди, пока я не покажу тебе мой город!

– Твой город? – не понял я.

– А я не из Лос-Анджелеса, – хитро сказала она.

Мы шли дальше. Кажется, это была бесконечная, совершенно невероятная прогулка в ночь и в свечение, потому что теперь мы шли в сторону города. Туда, к небоскрегам. Я видел, как меняются люди на улицах, как исчезает блеск и веселье, доброжелательность Голливуда, уступая место подозрительным и неприветливым кварталам, но Джой, казалось, это не беспокоило. Ее вообще ничего не беспокоило! Она улыбалась всем встречным, и вот что странно – прохожие улыбались ей в ответ! Они желали нам доброй ночи, и Джой всегда отвечала тем же. Ее улыбка была словно щит для нас. Но свои очки она так и не сняла.

Я не понял, сколько километров (или миль) мы прошли. В какой-то момент я перестал понимать что-либо, полностью утратил ощущение реальности и провалился в какое-то полубезыбие – в конце концов, в моем дне было слишком много часов. Так что я даже не удивился, когда в итоге мы снова оказались в Голливуде, и Джой привела меня в какой-то хостел.

– Кажется, у меня не хватит денег..., – пробормотал я, когда мы поднимались по крутой лестнице.

– А это и не важно, – пожала плечами девушка, – я здесь подрабатываю и живу. Через пару часов у меня начнется смена, а ты сможешь поспать в моей комнате. Так что, добро пожаловать в отель «Калифорния»!

Она помахала рукой парню за компьютером и повела меня по коридору, увешенному плакатами и репродукциями каких-то картин. Мы оказались в небольшой комнатке с двухэтажной кроватью и тумбочкой, и Джой бросила на пол свою сумку и стопку книг.

– Ложись, – она кивнула на нижнюю полку кровати.

Я поставил рюкзак и футляр с саксом на условно чистый ковролин и сел на край постели. Подушка манила к себе нестерпимо, спать хотелось так, как мне, наверное, еще ни разу не хотелось спать в жизни! Я аккуратно прилег на мягкий матрас и понял, что только что испытал самое приятное ощущение в жизни. И закрыл глаза. Я только почувствовал, как Джой стащила с меня ботинки и закинула на матрас мои ноги. А потом... рядом со мной оказалось что-то теплое. Я распахнул глаза и увидел, что она лежит рядом и смотрит на меня невероятно, неправдоподобно синими глазами.

– Ты один из немногих, кто видел мои глаза, – прошептала она, – но тебе можно, потому что ты такой же, как я, я это чувствую. Спи.

Я улыбнулся и мгновенно провалился в глубокий сон.

Когда я очнулся, было почти три часа дня. Я встал, порылся в рюкзаке, нашел все необходимое и пошел искать душ. Было невероятно приятно стоять под потоками слегка теплой воды, смывая с себя дорожную грязь и усталость прошлого дня. В голове был приятный вакуум, и я, словно воздушный шарик, парил над городом, с которым я только слегка успел познакомиться, но который уже был мне ближе, чем многие другие места на Земле.

Я вышел в холл, где была стойка регистрации, и увидел Джой. Она читала, а за ее спиной древний магнитофон играл заезженную кассету со старым, настоящим американским роком. Она оторвалась от книги и взглянула на меня.

– Доброе утро!

– Э... да... сейчас ведь день?

– Но у тебя-то утро?

Я улыбнулся. Она заулыбалась в ответ.

– Ну? И что ты встал? Иди! У тебя не так много времени, а тебе надо столько всего увидеть!

– Я тебя... я не совсем понимаю, почему не так много времени?

Откровенно говоря, я вообще не понимал, о чем она. Мне действительно хотелось столько всего посмотреть, так что я бы предпочел отправиться гулять, не теряя ни минуты, но никак не рассчитывал, что мое время будет чем-то ограничено.

– Ну, я же обещала показать тебе свой родной город? Я всегда выполняю свои обещания. Через три дня мы улетаем домой.

Я уставился на Джой, совершенно сбитый с толку.

– Улетаем? Погоди, но... ты же меня едва знаешь, и потом, я же... нет, слушай...

И в этот момент меня вдруг осенило. С того самого момента, как я начал принимать необдуманные решения и плыть по течению, моя жизнь начала только улучшаться. Я увидел прекрасные места, я встретил замечательных людей. Те ребята в Барселоне, моя Дэни, теперь вот Джой, с ее совершенно съехавшим рассудком, но таким добрым, чистым, открытым сердцем. Кого я еще успел бы встретить на своем пути? Меня ждало столько историй...

– А вообще, – я заулыбался, – вообще, да, я тебя понял! Три дня так три дня, я успею. А потом мы поедem – или полетим – в твой город.

– Домой..., – счастливо выдохнула она, и, скажу наперед, я никогда в жизни, ни разу не видел, чтобы кто-то произносил это слово с такой любовью.

Я вернулся в комнату и стал распахивать по карманам всякие нужные вещи. Например, блокнот и ручку. Я совершенно криворукый, когда дело касается фотографий, но мне это и не нужно – я очень люблю рисовать. Да, тоже, наверняка неправильно, но так я могу навсегда сохранить в памяти самые прекрасны места и моменты. Потом я наткнулся на коше-

лек, в котором было уже изрядно меньше ста долларов. И только тогда я заметил в кармашке кредитку, обернутую бумажкой. Это была записка от мамы: «Ты ведь не думал, что я тебя отпущу без денег?» Я усмехнулся. Эта женщина не переставала удивлять меня. Впрочем, это и не плохо. По крайней мере, в самом крайнем случае я мог воспользоваться этим неприкосновенным запасом.

Днем Голливуд был, пожалуй, самым шумным местом, где мне когда-либо удалось побывать! И настолько разношерстной толпы я не видел давно. Но я бродил по улицам, жадно впитывая в себя все новые и новые впечатления, подтверждая или разрушая мифы и легенды этого удивительного места. Мимо киностудий и музеев, мимо знаменитых клубов и ресторанов, забывая о том, что нужно что-то есть, помимо кофе. Я шатался по Беверли Хиллз, заглядываясь на особняки знаменитостей, прошелся по Родео Драйв, чувствуя все свою несостоятельность, но совершенно по этому поводу не беспокоясь, и, в итоге, обнаружил себя на золотом песке пляжа в Санта-Монике. Кто бы мог подумать, что Сансет в прямом смысле приведет меня к закату!

Я стянул майку, скинул тапки и лег на песок в одних шортах, подставляя уже слегка успевшее покрыться загаром тело ласковому предвечернему солнцу. В моем внутреннем мире наступило поразительное спокойствие! Конечно, я бы отдал глаз за то, чтобы рядом со мной в этот момент оказалась Дэни. Я бы хотел смотреть в ее зеленые, как у матери, глаза, перебирать ее темные мягкие волосы... впрочем, она тогда была где-то в одном из самых веселых городов Земли и, я уверен, счастлива. И, более того, я был уверен, что она тоже думала обо мне.

За три дня я изучил Лос-Анджелес вдоль и поперек. Огромный, размазанный тонким слоем по всему побережью, город оказался городом таких поразительных контрастов, что диву даешься, как люди здесь выживали? И, тем не менее, мне понравился этот неуравновешенный, покрытый глянцем и сажей, город. И не верьте никому, кто скажет вам, что его жители не любят, когда его называют Эл-Эй – вы бы слышали, с каким придыханием они это произносят!

Три дня спустя, Джой разбудила меня рано-рано утром и заставила вылезти из постели.
– Нам надо в аэропорт, мы летим домой!

Я собрал рюкзак и вышел за своей спутницей на залитый утренним солнцем бульвар. Меня немного удивило, что у Джой не было ни рюкзака, ни чемодана, а только ее сумка и связка книг. Конечно, я и сам всегда путешествовал налегке, но это уже слишком.

В аэропорту Джой без предупреждения закрыла мои глаза руками.
– Не смотри, пусть это будет для тебя сюрпризом.

Я повиновался. Поскольку я даже близко себе не мог представить, откуда могла быть эта странная девушка, то не пытался и гадать. Мы остановились, и она убрала руки. Мы стояли возле стойки регистрации, и на табло высветился ближайший рейс – на Сан-Франциско.

– Ты из Фриско! – улыбнулся я.

Она сморщила нос.

– Не называй его так, это неправда! Это не город сумасшедших – это город самых счастливых и гармоничных людей планеты!

Мы купили билеты и, пройдя пару вынужденных формальностей, отправились к воротам.

В самолете с нами летели самые веселые стюарды, с которыми мне довелось полетать за всю жизнь. Когда мы наконец поднялись в воздух, и я бросил прощальный взгляд на раскинувшийся под крыльями город, я взглянул на Джой. Она поправила очки и подмигнула мне сквозь синие стекла. Кажется, настал самый подходящий момент обрушить на нее лавину моих вопросов.

– Расскажи мне о себе?

Она пожала плечами.

– Ну... а что рассказывать-то? Ты же сам все видел?

– Я только понял, что ты любишь Джорджа Харрисона, синий цвет, работаешь в хостеле и, ну да, ты из Сан-Франциско. Вот и все о тебе!

– Уже много, нет?

– Нет!

Мы оба рассмеялись. Она глубоко вздохнула и положила голову мне на плечо.

– Я даже не знаю, кто я. Моя бабушка была итальянкой, а дедушка – поляком. А со стороны мамы бабушка была на половину француженкой, а дедушка – ирландцем. Поэтому я даже не знаю, кто я. Но, на самом деле, я из Сан-Франциско, и это все обо мне! – она помолчала, но я не торопил ее, – мама и папа погибли тогда, одиннадцатого сентября, в Нью-Йорке... первый раз выбрались посмотреть другой город и...

Я сглотнул. Никогда не знал, что говорить в таких случаях, а тогда тем более. Как утешить человека, который потерял самых близких на свете людей? Если эти люди стали частью национальной трагедии?

– Почти всех своих бабушек и дедушек я знаю только по старым фотографиям, только с одной была когда-то знакома лично, но она умерла. Ну и все, пожалуй. Так что, когда встал вопрос о том, что со мной делать, все просто растерялись. И, наверное, поэтому послали меня в тот приют...

Я ждал продолжения, но оно не последовало. Джой смотрела прямо перед собой, не моргая. Ее взгляд был затуманен, кажется, она настолько глубоко ушла в воспоминания, что только сирена воздушной тревоги могла бы вывести ее из этого состояния.

– Мне досталась маленькая холостяцкая квартирка моего отца, – неожиданно продолжила моя соседка, – наш дом был продан с аукциона, но я не жалею! Когда ты увидишь, где я живу, ты поймешь, почему именно я не жалею.

Нас вежливо, но настойчиво попросили пристегнуть ремни. Я перегнулся через Джой и выглянул в окно, в надежде увидеть под крыльями самолета город. Но не увидел ничего – мы летели в густом, мягком, молочно-белом утреннем тумане. Я не был в Лондоне, но уверен, что даже там не бывает таких туманов, как тот, который встретил нас на подлете к Городу у Залива.

Прилет, посадка, бегом через аэропорт, поездка на одном поезде, на другом поезде, а потом...

Потом мы выскочили на поверхность земли на перекрестке мне еще неизвестных улиц, и Джой схватила меня за руку, и мы на ходу вскочили на подножку трамвая, который медленно, но уверенно, позвякивая и дребезжа, полз на один из холмов. Сквозь толпу туристов к нам пробился кондуктор, но, увидев мою спутницу, только расплылся в радостной улыбке и подмигнул нам, не взяв с нас ни цента.

Мы спрыгнули с подножки и побежали куда-то в сторону. Я не понимал, где нахожусь, но мне уже нравилось все, что происходило со мной. Через несколько минут мы уже поднимались по лестнице небольшого пятиэтажного дома. Джой выудила из своей бездонной сумки ключ на цепочке и открыла дверь квартиры. Она не разрешила мне оглядеться, велела только бросить вещи и почти сразу захлопнула за нами дверь.

Мы стояли на вершине холма и смотрели, как медленно и величественно туман отползает в сторону океана, открывая нашим взглядам остров в центре залива, мрачный Алькатрас, а за ним – другой берег, где, все еще в дымке, робко проглядывали домики Окленда.

– Идем, – позвала Джой, и я послушно зашагал вниз по склону, чувствуя, как сильно бьется мое сердце.

Но нет, мы не пошли прямым путем. Мы плутали и терялись, ну, вернее, я терялся. Джой была дома – это было написано у нее на лице. А я мог только восхищаться красками, и людьми, и цветами... да, цветами! Это даже был не город – это был огромный сад, где цветы росли везде, где вообще возможно было воткнуть семечко. И вот, наконец-то, мы оказались на Эмбаркадеро в районе моста Бэй. Гигантское сооружение, протянувшееся через весь залив, темным

силуэтом вычерчивалось на фоне залитого солнцем неба. Я хотел взобраться на него, посмотреть туда, на запад, где самое узкое место пролива перехватывает другой мост, в разы короче, но в сотни раз легендарнее; но Джой помотала головой и сказала, что всему свое время.

Мы прошли еще немного, когда она вдруг бросилась к ограде и облокотилась об нее, глядя на меня.

– Что ты скажешь о моем городе? Только кратко, пока ты ничего еще не видел, считай.

– Клумба, – не задумываясь, ответил я, – огромная клумба на холмах.

Она рассмеялась.

– Хорошее определение! Я уже боялась, что ты опять скажешь «Фриско». Прошу, зови его Сан-Фран лучше, правда.

Я кивнул. Она прищурилась и шагнула в сторону. На перилах я неожиданно увидел металлическую табличку с надписью: «Сан-Франциско – 49 квадратных миль, окруженных реальностью». Лучше не придумаешь!

Джой повела меня вдоль набережной, а я только оглядывался, любуясь неровностью небоскребов по левую руку и поражаясь масштабности порта по правую. Солнце щедро обливало нас своим золотым сиянием. Казалось, оно тоже любило этот город чуть больше, чем его соседи. Несмотря на туман, все еще нехотя отползающий в океан, оно светило, грело, растапливало...

Мы зашли в небольшое кафе на шумном причале и поели суп из буханок хлеба. Это было странно, и вкусно, и сытно, и поразительно не дорого. Впрочем, такая мелочь, как деньги меня перестала волновать – я уже чувствовал в воздухе запах приключений. Или так пахло от ее кожи?

Она протащила меня через пол города. Но при этом упорно запрещала мне смотреть в сторону залива, запрещала мне думать о мосте, хотя это все, о чем я мог думать с тех пор, как приземлился наш самолет.

Мы шли через прекрасный, таинственный и такой волшебный парк Золотые ворота, и Джой вытащила свой огромный фотоаппарат и стала снимать все, что было вокруг: стволы деревьев, яркие, как сполохи пламени, георгины, облака на бесконечном голубом небе, наши ноги, меня, себя, нас... она просто кидала эти фотографии в свою сумку, даже не задумываясь о том, вспомнит ли она потом где, когда и при каких обстоятельствах они были сделаны.

Мы дошли до Японского сада. Она подошла к окошку кассы, и кассир неожиданно радостно ей улыбнулся.

– Добрый день, юная леди! Давненько я тебя не видел у нас! Рад, что ты вернулась.

– Я тоже рада, что вернулась! – заулыбалась Джой.

Кассир пропустил нас. Понятно, почему он пропустил ее – все жители Сан-Франциско могли ходить туда в любое время и совершенно бесплатно, но я должен был заплатить за вход. Когда я спросил у Джой, почему так получилось, она неопределенно склонила голову.

– Это давняя история, но этот человек до сих пор считает, что обязан мне чем-то. Он неправ. Но переубедить его невозможно, так что я не пытаюсь. Когда он спросил, что он может сделать для меня, чтобы отплатить мне, я спросила, смогу ли я как-нибудь привести в сад кого-нибудь из друзей. Он пообещал, что для любого, кто войдет со мной, парк будет вторым домом. Так что, добро пожаловать домой!

– А что за история-то?

Мы устроились у пруда под деревом. Вокруг было тихо и спокойно, и даже вездесущие туристы были незаметны. Джой смотрела на мягкие скаты пагоды, довольно прищурившись.

– У этого человека были слишком грустные глаза. Он уже много лет работает в этом саду, но он всегда был слишком грустным. Я спросила, почему он грустит. Он был одинок. Его дочь выросла и уехала в другой город, его жена умерла, а больше у него никого не было. Я стала приходить в сад каждый день, устраивалась возле его будки и рассказывала ему истории – все,

какие знала! О людях, которых я встречала, о том, что происходило в других районах, о городах, где я бывала... я пересказывала ему все прочитанные мной книги, все увиденные мной фильмы и сны, все услышанные песни. А потом я нашла бездомного кота и приволокла ему. Так у кассира появился верный рыжий друг. Тогда он вышел из своей будки и обнял меня и сказал, что благодаря мне, он прожил сотню счастливых жизней и увидел весь мир. Он попросил меня никогда не бросать путешествовать, потому что так он может путешествовать со мной. С тех пор я постоянно в дороге. Я езжу из города в город, из страны в страну и знаколюсь с разными людьми, и попадаю в разные истории, читаю сотни книг, потому что в этой будке сидит очень одинокий человек. А когда я устаю, я возвращаюсь домой и иду к нему, рассказывать о своих приключениях. Странно, да?

Я молчал. Ну, а что вы бы ответили на такое? Как можно оценить поступок человека, который делает все, чтобы кто-то рядом был счастлив? Как оценить того, кто живет только для того, чтобы делать счастливым всех вокруг? Я легонько ткнул ее пальцем в щеку.

– Ты настоящая?

Она засмеялась.

Почти до заката я так и бродил по парку, делая зарисовки в блокноте. Мне было хорошо и спокойно в этом месте, хотя я знал, что чем ближе ночь, тем опаснее здесь будет. Я много слышал о неоднозначной славе северной части парка и Хейт-стрит, примыкающей к нему.

Я вернулся в Японский сад, где Джой как раз заканчивала рассказывать своему другу о своих приключениях. Это был пожилой чернокожий мужчина с седыми волосами и усами, а на его плечах лежал довольный пушистый рыжий кот. Я улыбнулся.

– Марко! – Джой помахала мне и поднялась со скамейки.

Кассир тоже поднялся и кивнул мне.

– Беги, девочка моя, тебя ждет твой мальчик.

– Он просто мой друг, дядя! – рассмеялась Джой.

– Ну, прости старика. Идите, не тратьте на меня свое время. Спасибо тебе, дорогая, что рассказала мне столько всего, – он ласково обнял ее, – спасибо за все.

– Не за что! Я скоро снова отправлюсь в путь, и у меня будет новая стопка фотографий и новые истории для Вас. О, и я пришлю Вам открытку!

Мы покинули территорию парка, и Джой повела меня в какие-то городские дебри, где я никогда бы не побывал без нее. Но когда нам на глаза все чаще стали попадаться покатые крыши в восточном стиле, я догадался, что мы приближаемся к Китайскому кварталу. Там мы нашли небольшой ресторанчик и остались на ужин. Деловитая официантка приняла наш несложный заказ и убежала в сторону кухни. Как ни удивительно, мы были единственными не китайцами во всем заведении. Джой улыбалась, оглядываясь по сторонам.

– Чувствую себя туристкой в своем городе, – шепнула она мне, – но мне нравится это чувство! И потом, в этом квартале самое вкусное чайное мороженое! А рис мне больше нравится у индусов. Обязательно туда ходим!

Она стала рассказывать мне, что ей удалось попробовать во время своих безумных перемещений по стране и за ее пределами. Она описывала вид и вкус блюд так аппетитно, что рот у меня наполнился слюной, особенно если учесть, что последний раз я ел очень давно! Поэтому когда нам принесли еду, я набросился на свою тарелку как голодный лев на свежую отбивную.

Я скосил глаза на Джой, которая ловко управлялась палочками с рассыпчатым рисом.

– А почему мы пошли назад именно этой дорогой? Почему ты не повела меня по Хейт-стрит?

Она спокойно пожала плечами.

– Очевидно же, что тебе было бы там неудобно, – сказала она, – ты напрягся, когда мы двинулись на север, поэтому я и свернула тогда на восток. Я не имею ничего против этого района – там живут веселые люди! Они никого не обижают, просто они такие, какие есть.

Знаешь, в моем городе это нормально – быть не как все. Я ведь тоже немного того, как ты заметил, – она покрутила пальцем у виска, – но я не собираюсь меняться на будьте-здрасте, для того только, чтобы соответствовать чьим-то стандартам. Но я умею скрывать свое безумие и не выливать его все разом на чужие головы. Поэтому мы пошли другой дорогой.

Я улыбнулся. Эта девушка все больше мне нравилась. Нет, не как девушка – как новый верный друг! Такие люди не валяются на дороге, и мне потребовалось пересечь полмира, чтобы встретиться с ней.

Мы вернулись в ее квартиру, и тогда я получил возможность осмотреться. Квартира была совсем крошечной, даже не квартира – студия, состоящая из одной комнаты. В одном углу располагалась кухонька, а в противоположном – старый диван, рядом шкаф, да один стул. Зато чего там было много, как это книг! Книги были везде: они валялись на диване и на кухонном столе, лежали стопками на полу, заполняли собой все полки шкафа, да и вообще, все свободное пространство в доме. Казалось, я попал в публичную библиотеку, где на плите можно было вскипятить чайник. Джой перехватила мой восхищенный взгляд.

– Обожаю читать. Самое лучшее занятие после путешествий. А читать во время путешествия – просто блаженство! И потом, каждая книга – это история, которую можно пересказать...

Она схватила меня за руку и подвела к окну, спрятанному за плотной темной занавеской.

– Но самое потрясающее в этом месте – это не книги. Отец в свое время не продал эту квартиру только по одной причине, – с этими словами она отдернула занавеску, и я ахнул.

Внизу, под холмом, к заливу сбегал сверкающий огнями город. Он блестел, переливался, играя в лучах зажженных фонарей и вывесок, словно осыпанный хрусталем. Я повернулся на запад и увидел, как в последних умирающих лучах алого заката светится Мост – Золотые ворота на входе в город, а за ними – бескрайний темно-синий океан. Я высунулся чуть ли не по пояс из окна и посмотрел в другую сторону. Мост Бэй был словно облит жидким золотом!

Джой явно была довольна произведенным эффектом. Она притащила две кружки чая, и мы вместе уселись на подоконник, свесив ноги на улицу, и стали довольно глядеть в наступающую теплую калифорнийскую ночь.

На ночь мы устроились на диване. Оказалось, что он раскладывается в подобие кровати, но у Джой не было ни одеял, ни подушки – только плед. Мы кое-как укрылись и успокоились.

– Завтра, – прошептала девушка, – я познакомлю тебя кое с кем...

– Хорошо, – так же тихо ответил я, хотя не совсем понимал, почему мы так тихо разговариваем, – только давай сначала дойдем до моста.

Она кивнула, повернулась на бок и тут же уснула, уткнувшись носом в мое плечо.

Я закрыл глаза и мысленно оглянулся на все, что произошло со мной с тех пор, как я расстался с родными, университетом и Берлином. Позади осталась солнечная Испания, которую я всегда мечтал посмотреть, летний музыкальный фестиваль... я встретил мою Дэни! Дэни... такая удивительная, такая светлая! Я умудрился влюбиться в нее, так сильно и так внезапно, что до сих пор не могу свыкнуться с этой идеей. Но вот я, за столько миль от нее, рядом со мной спит пусть чокнутая, но все равно хорошенькая девушка, а я могу думать только о ней. Я надеялся, она тоже меня вспоминала, хоть иногда.

По правде сказать, мы договорились не обмениваться телефонами. Вместо этого мы обменялись адресами и пообещали слать друг другу письма и открытки. Я представлял, как я возвращаюсь домой, а меня ждет стопка конвертов, которые мой сосед по комнате заботливо собрал для меня. А в них... ну, конечно! В них истории! Точно такие, какие в свою голову и сумку собирала Джой. А мы, оказывается, очень похожи.

На следующее утро, чуть только солнце прорезало лучом щель в неплотно задернутых занавесках и полоснуло по противоположной от нашего дивана стене, я открыл глаза и понял, что рядом никого нет. Джой сидела на полу у шкафа и сосредоточенно зашнуровывала кеды.

Я с любопытством осмотрел ее. На ней были очень тертые джинсы, по которым, определенно, плакала помойка, но которые, определенно, были любимыми; белая майка, заляпанная пятнами разноцветных красок, поверх которой была накинута клетчатая, явно мужская рубашка, которая была размера на три больше, чем надо бы; ассиметрично постриженные волосы были подвергнуты попытке быть схваченными в хвост, чему всеми силами сопротивлялись, поэтому с одной стороны упрямо спадали на лицо; но самым замечательным в ее наряде были кеды: один из них был бирюзовый, а другой – сиреневый.

Девушка посмотрела на меня сквозь синие стекла очков и улыбнулась.

– Доброе утро! У тебя полчаса на то, чтобы привести себя в твое понимание порядка, а потом мы убегаем. Я хочу застать туман...

Я опрометью кинулся в душ, почистил зубы, кое-как высушил голову полотенцем, решив, что досохнет само, оделся, кинул кое-какие вещички в небольшой матерчатый рюкзак и выскокчил к Джой. Она сложила свою «лос-анджелесскую» одежду в пакет, запихнула его в сумку, и мы отправились в город.

Мы почти бежали, хотя я был уверен, что в этом не было необходимости – туман здесь держался подолгу. Только когда с очередного холма стало видно, что его плотности и белоснежности не угрожает утреннее солнце, Джой разрешила мне зайти в кофейню и угостить ее кофе.

Мы неторопливо шли по Марине, мимо причалов для яхт и прибрежных камней, в сторону спрятавшегося в тумане моста. Мимо пробегали бегуны, проезжали велосипедисты, с радостным лаем проносились собаки, а мы шагали, улыбаясь, глядя по сторонам и довольно потягивая горячий вкусный кофе.

Шли мы долго, но эта прогулка была очень приятной и долгожданной. Мост таял в тумане, то здесь, то там показывая кусочек красного остова. Когда ближняя опора моста была уже совсем рядом, Джой предложила перейти мост сначала по одной стороне, а вернуться по другой. Так и сделали. Сначала пошли вдоль той стороны, которая смотрела на город. На опоре была табличка с телефонами доверия.

– Настоящие. Работают. Сама проверяла! – гордо сказала Джой.

– Ты... ты же не...?

Она загадочно улыбнулась и не удостоила меня ответом.

На середине моста мы встали, повиснув на перилах, и смотрели в сторону города, который почти не могли различить в начинающем редеть тумане.

– Я очень люблю свой город, – сказала Джой, – я вообще всегда по нему скучаю, даже если мне еще где-то очень хорошо, даже если я радуюсь каждому путешествию, каждому новому приключению, событию, человеку, мое сердце все равно здесь, дома.

– Я вот не привязан так к Берлину, – я пожал плечами, – даже не знаю, почему. Просто отца часто переводили, и детство я провел в Баварии, а потом еще шесть лет мы жили в Штатах, в Бостоне, а потом переехали в Берлин. Но у этого есть свой плюс – двойное гражданство, например!

Мы подождали, пока туман переползет через мост, и еще немного постояли, глядя, как на солнце поблескивает купол Павильона Искусств, а по далекому мосту Бэй носятся автомобили. Прямо по центру залива мрачной глыбой лежал остров, на котором расположился Алькатрас, чьих беглецов до сих пор можно было пересчитать по пальцам одной руки. Теперь туда спешили катера с туристами.

Перейдя на противоположную сторону, мы взобрались на холм и уселись там, глядя на горящий под солнцем мост и на теряющийся в легкой дымке город. Я вытащил свой блокнот и стал рисовать, выбрав для этого красный и синий карандаши. Джой внимательно смотрела, как я работаю, не нарушая тишины. Когда набросок был закончен, она улыбнулась.

– Да, его все рисуют. Потому что он такой красивый!

– Хочешь, я нарисую тебя?

Она неопределенно качнула головой и встала, протягивая мне руку.

– Идем. Самое время познакомить тебя с парой моих близких друзей.

Мы снова спустились к мосту и на этот раз пошли вдоль океана. На середине мы опять остановились и опять повисли на перилах. Туман ушел, и нам открылась темно-синяя гладь бесконечного водного пространства.

– Я могу попросить тебя кое о чем очень важном? – вдруг спросила Джой.

– Конечно.

– Когда я умру, сожги мое тело, а пепел развеяй вот отсюда...

Я был, мягко говоря, шокирован. К чему вдруг этот разговор? Что за глупости – в двадцать лет думать о том, как и где твой прах надо будет развеять? Кажется, она прочитала мои мысли. Хотя, наверное, мой вид вполне красноречиво отражал то, что было в голове.

– Не пугайся, ну, не думай об этом, просто пусть это будет у тебя где-то в копилке памяти, ладно?

– Х... хорошо...?

Когда мы вернулись в город, пройдя ровно той же дорогой, какой шли вперед, девушка повела меня перекрестьями переулков, и вскоре мы оказались на довольно широкой улице, где между маленькой кофейней и магазином был зажат небольшой автосервис. У ворот стояла чья-то выдавшая виды машина, у которой под капотом копался механик, засунув руки по локоть в двигатель.

Джой тихонько подбежала к нему сзади и хлопнула ладошами по его плечам. Мужчина вылез из машины, обернулся и заулыбался.

– Малышка! – он широко развел огромные мускулистые руки, и крохотная девушка почти целиком исчезла в его медвежьих объятьях.

Он повернулся и крикнул так, что стайка птиц, негодуяще зачирикав, взлетела из ближних кустов:

– Лили! Лили, наша кроха вернулась!

Из соседней кофейни выбежала женщина в легком цветастом платье и чистом фартуке и бросилась к ним. Она тоже радостно обняла девушку.

– Джой, крошка, как я рада тебя видеть!

Эта семейная сцена немного смутила меня. Я совершенно очевидно был здесь лишним, но Джой взяла все в свои руки и повернулась ко мне.

– Джэф, Лили, познакомьтесь – это мой новый друг Марко!

Мужчина так стиснул мою руку, что у меня чуть ни треснули кости. Он был высокий, широкоплечий, мускулистый, разукрашен татуировками, борода и усы аккуратно подстрижены, а длинные седые волосы схвачены в хвост на затылке. Он улыбался, и глаза от этого блестели добротой и радушием. Его белая когда-то футболка и старые джинсы были испачканы машинным маслом. Его жена, напротив, была миниатюрной, легкой, как мотылек. Ее темно-серые глаза излучали спокойствие, а густые каштановые волосы с блестящими нитками седины были схвачены в низкий пучок. Она тоже коснулась моей руки своими теплыми пальцами.

– Пойдемте, я вас накормлю, – радостно сказала женщина, увлекая нас за собой в кафе, и я услышал, как урчит в животе – только сейчас я вспомнил, что мы даже не позавтракали, – а ты, Джэффри, – обратилась она к мужу, – умывайся и присоединяйся к нам.

– Мигом, детка!

Лили усадила нас за один из столиков своего кафе в стиле пятидесятых и убежала на кухню, откуда вскоре вернулась с тарелками с сэндвичами и жареной картошкой для меня и своего мужа, а перед Джой она поставила большущий стакан с клубничным коктейлем.

– Давай я тебе все-таки что-нибудь приготовлю, – с надежной предложила ей хозяйка, – или ты ну ни капельки не изменила свои вкусовые пристрастия?

– Ты же знаешь, Лили, я странная!

Та только улыбнулась, покачала головой, и вернулась за прилавок.

Я недоуменно смотрел в свою тарелку, когда получил такой хлопок по плечу, что чуть ни встретился носом со столешницей.

– Налегай, Марко! Надо хорошенько подкрепиться, – весело сказал Джэф.

Мы принялись есть. В кафе на ланч пришла еще пара человек, но когда Лили была свободна, она подходила к нашему столику и слушала, что рассказывала Джой. Она говорила о том, как жила и где работала в Лос-Анджелесе, а потом объяснила, как мы познакомились. Когда она закончила свой коктейль, она вскочила, забежала за стойку, надела фартук и скрылась на кухне.

– Помощница, – усмехнулся Джэф, который весь обед с веселым прищуром поглядывал на меня, – скажи-ка, дружок, у тебя есть права?

– Да, – удивился я такому внезапному вопросу.

– А водить умеешь?

– Э... ну, само собой!

– Тогда доедай-ка свою картошку, хочу показать тебе одну малютку...

«Малюткой» оказался винтажный небесно-голубой «Кадиллак» с белыми кожаными сиденьями. Кабриолет сиял, как новенький, не смотря на преклонный возраст, и было заметно, что к нему прикасались заботливые руки умельцев. Я любовался машиной, а Джэф, очень довольный, стоял рядом.

– В воскресенье эта красотка должна участвовать в автомобильной выставке в Сан-Диего, но перегнать ее некому, а мой брат – ее законный владелец – должен был срочно улететь, когда узнал, что его жена попала в больницу. Ничего серьезного, как выяснилось, но машину пришлось оставить здесь. Так вот, Марко, как на счет такого предложения: ты перегоняешь машину в Сан-Диего, а мы с Роем платим тебе двести баксов. Сто сейчас, сто – когда доставишь ее по адресу. Что скажешь, неплохое предложение?

– А... да, только..., – я был в легком шоке от этого предложения, – а Вы не боитесь мне доверять? Вы ж меня первый раз в жизни видите!

Джэф улыбнулся.

– Тебе Джой доверяет. Для меня это лучшая рекомендация, поверь.

Мы вышли из гаража и направились в мастерскую.

– Вам помочь? – поинтересовался я.

– О, спасибо!

Мужчина покопался в соседней комнате и нашел мне комбинезон. Я влез в него и пошел за Джэфом к автомобилю, в чьих внутренностях он рылся до нашего прихода.

– Вот, поддержи-ка здесь, – он кинул мне гаечный ключ, и мы вместе приступили к работе.

Мне было приятно заниматься ручным трудом, не смотря на то, что моя профессия не имела к нему никакого отношения. Наверное, привычка, выработанная с детства. Отец всего добивался сам и учил меня, что нельзя бояться испачкать руки, если хочешь, чтобы все получилось.

Джэф, кажется, был доволен мной.

– Знаешь, – начал он, – это хорошо, что ты с Джой подружился. Она хорошая девочка.

– А вы-то с ней как познакомились?

– Мы? Да, года два назад ездили с Лили в Йосимитский парк, а на обратном пути подобрали ее на дороге. Она так спокойно шла по обочине, как будто собиралась идти пешком от самого парка до города! Ты примерно представляешь, сколько тут ехать? Ну, далеко, поверь мне! – он усмехнулся, – сразу нам понравилась. Такая живая, веселая, столько всего нам рассказала... а еще... у нас-то детей нет, а Лили, ну, она всегда хотела детей, но не могла иметь, вот она Джой как дочь любит, говорит, что у нее должны быть хоть какие-никакие родители.

Я улыбнулся. Наверное, два года назад она была совсем еще ребенком, только что сбегавшей из приюта девчонкой, неожиданно оказавшейся в мире, полном людей. Интересно, а вот как она вообще попала в парк? Скорее всего, тоже на чьей-нибудь попутной машине. Пожалуй, ее любопытство граничило с неосмотрительностью, но все равно во всех случаях пересиливало.

Незаметно прошло несколько часов. Мы успели отремонтировать одну машину и принялись за балансировку колес другой, когда на моих плечах кто-то повис. Это была Джой, совершенно довольная как всегда без особой на то причины.

Время приближалось к ужину, и мы, хорошенько вымыв руки, уселись за дальний столик в кафе. Когда за окнами порядочно стемнело, я подумал, что пора уходить. Мы помогли Лили с посудой, пока она обслуживала посетителей, а потом встали у двери, чтобы улучшить момент и попрощаться. Джой вдруг о чем-то вспомнила и вытащила из сумки пакет с одеждой.

– Лили, вот, возьми, это для Армии Спасения. Только, извини, я не успела постирать...

– Ничего страшного, милая, у меня как раз набралось достаточно одежды, чтобы заняться стиркой. Спасибо!

Джэф пожал мне руку и подмигнул.

– Не забудь, мы с тобой договорились, так?

– Конечно, – кивнул я.

– Тогда завтра я вас жду!

Мы попрощались и отправились своей дорогой. Джой потягивала молочный коктейль через трубочку – я не обратил внимания, а ела ли она вообще сегодня?

– У тебя хорошие друзья, – наконец сказал я.

– Я знаю, – она улыбнулась, – Джэф в пожарной дружине состоит, а Лили, она для Армии Спасения одежду собирает, а еще по средам в детском доме читает книжки. Они оба удивительно добрые, я бы хотела, чтобы все люди были такими. На самом деле, они и так почти все такие, ну, почти...

– Веришь в людей?

– Да, верю.

Мы вернулись в маленькую квартирку в доме на холме. Я собрал рюкзак, положив свою маленькую торбу с самым необходимым в клапан, а потом еще посидели на подоконнике, глядя на залив и болтая о всяких пустяках.

Мы проснулись поздно и еще долго валялись, потягиваясь и наслаждаясь солнечными лучами. Когда Джой вернулась из ванной и оделась, я решил, что и мне пора принять вертикальное положение. Девушка копалась в книжках, выбирая что-то, чтобы взять с собой. Она засунула пару томиков в свою сумку, а остальные перевязала лентой в аккуратную стопку.

Через полчаса мы уже сидели за столиком кафе и завтракали. Вернее, я ел сэндвич с яйцом и беконом, запивая его ароматным кофе, а Джой потягивала свой карамельный латте с дополнительной порцией эспрессо, рассеяно поглядывая по сторонам.

Через час мы уже были у мастерской, и Джэф встретил нас, радостно потирая руки.

Мы расположились на капоте «Кадиллака», и он развернул перед нами дорожную карту.

– Трасса номер пять приведет вас напрямиком в Сан-Диего, тут ехать-то всего ничего, часов восемь-девять. А у вас впереди еще сегодня пол дня и завтра целый день! Поэтому, советую вам выбрать другую дорогу, – он постучал пальцем по шоссе с номером сто один, – поезжайте по дороге на Сан-Хосэ, а оттуда сможете вырुлить к бухте Монтерей.

– Там парк есть недалеко, кажется, – сощурилась Джой.

– Точно, есть, – палец Джэфа соскочил на название бухты, – это вообще исключительное место. Биг Сур! Посмотрите, погуляете.

Мы переглянулись и закивали.

Лили приготовила для нас еду в дорогу и полный термос кофе. На прощание она долго обнимала Джой.

– Так жаль, что ты уезжаешь так быстро! Но я тебя знаю – ты бы ни за что не осталась, когда есть такая возможность сбежать...

– Прости, Лили, я просто так устроена.

– Я знаю.

Джэф обнял нас по очереди, и мы запрыгнули в машину. Я сел за руль, а Джой устроилась со своей сумкой и новой связкой книг на заднем сиденье. Лили и Джэф махали нам руками, когда я выруливал на улицу и направлял свой большой и тяжелый автомобиль на юг.

Мы сделали именно так, как и предлагал нам добродушный механик – поехали по сто первому шоссе в сторону Сан-Хосе, чтобы вовремя свернуть с него и оказаться на побережье. Сан-Франциско оставался позади, и Джой еще долго оглядывалась на свой любимый город, так гостеприимно встретивший меня.

Через пару часов мы съехали с шоссе на дорогу поменьше и вскоре оказались у заказчика Мосс Лэндинг. Там мы решили остаться погулять, а потом перекусить. Я выдвинул было предложение искупаться, но Джой рассказала, что здесь ученые изучали поведение акул, поэтому вода просто кишела ими, и лезть в нее не стоило.

Еще через пару часов мы добрались до Монтерее. Я припарковал машину на охраняемой стоянке, и мы отправились гулять по старому городу.

– Монтерей когда-то, очень давно, еще при испанцах, был первой столицей Калифорнии. А вот эта дорога, по которой мы приехали – дорога номер один – тоже была проложена испанцами. Она тянется до самой Южной Америки.

– Откуда ты знаешь столько разной информации? – невольно восхитился я.

– Книги, Марко, и потом, Калифорния – мой родной штат, я должна знать хоть что-то о нем!

До того, как покинуть древнюю столицу, мы сходили в океанариум, и Джой веселилась, как ребенок, перебегая от аквариума к аквариуму. Она призналась, что ни разу здесь не бывала, и что все, что она знала, она знала только в теории.

Я решил сделать ей приятное и проехать какое-то расстояние по древней испанской дороге, тем более что она шла почти вдоль океана. Шоссе то скрывалось в хвойных лесах, то выводило нас к отвесным скалам и лугам, усеянным желтыми цветами. Джой смотрела, как в его темных тяжелых волнах медленно тонуло раскаленное алое солнце. Я смотрел, в основном, вперед, на дорогу, но не мог не насладиться этим зрелищем, поэтому затормозил и свернул по какой-то тропе к побережью.

Мы сидели на капоте машины и смотрели на закат.

– Это Биг-Сур, – сказала Джой, – здесь люди черпают вдохновение... и сходят с ума. Часто и то, и другое.

Я улыбнулся ей. Она вздохнула и прижалась щекой к моему плечу.

– Расскажи мне о своей девушке.

– Что?

– Да, расскажи мне о ней! Какая она?

Я старался подбирать слова, чтобы описать ее точнее и лучше. Я рассказал Джой о том, как мы с Дэни познакомились, как наслаждались музыкой, как любовались звездами... я рассказал о ее семье, о ее интересах и увлечениях, но мне казалось этого мало!

– Джой, она чудесная.

– Я бы хотела с ней познакомиться. Интересно, удастся ли?

На ночь мы остановились в каком-то придорожном мотеле. Классическая Америка! Одноэтажное здание с деревянным навесом-крыльцом, где машину можно припарковать прямо под окнами своей комнаты, бородатый хозяин в клетчатой рубашке, ключи с гигантскими

деревянными брелоками, чтобы уж наверняка не увезти его с собой по забывчивости – все, как в старых фильмах.

Когда я наконец-то вытянул ноги на кровати, сон накрыл меня почти молниеносно. Утром же я проснулся довольно поздно. Впрочем, торопиться нам было некуда – до Сан-Диего оставалось не так уж далеко, а времени у нас было три вагона. Я открыл шторы и увидел Джой. Она сидела на капоте машины, пила кофе и разглядывала мой атлас, который я сам ей дал прошлым вечером. Я постучал по стеклу, и она подняла голову и заулыбалась.

Машина весело катилась по шоссе. Я вырулил на трассу номер пять, и дальше задумываться уже не имело смысла. Я просто вел послушный «Кадиллак» в свое удовольствие, наслаждался музыкой, лившейся из колонок радиоприемника, и жарким солнцем. Джой легла на сиденье и перекинула ноги через борт машины, так что я видел ее разноцветные кеды в боковом зеркале.

– Знаешь, – улыбнулся я, – в тебе есть что-то керуаковское.

– Керуак, – она просмаковала каждый слог этого ставшего культовым имени, – он хорош, мне нравятся его безумные книжки. Но, на самом деле, я немножко Крис МакКэнделс, и в какой-то момент я тоже куда-нибудь исчезну. Не удивляйся, ладно?

– С тобой я вообще ничему не удивляюсь!

Мы постепенно продвигались на юг, делая остановки там, где нам хотелось. Конечно же, мы заехали в Лос-Анджелес, потом в Лонг-Бич и Ньюпорт, где валялись на пляже и даже залезли в воду.

В Сан-Диего мы въехали во второй половине дня и решили отправиться в Мишн Бэй парк. В океанариум мы уже не пошли, но провели совершенно замечательно время, гуляя по парку и наслаждаясь соленым морским воздухом. Вечером Джой предложила пойти пешком в центр города. Мы оставили машину на стоянке и осуществили задуманное.

Я решил, что когда-нибудь, когда состарюсь, переженю всех детей и отдам все долги, приеду со своей женой жить именно в этот город. Бледно-оранжевые фонари рассеивали густеющую ночь над мощеными плиткой тротуарами, из всех пабов звучал смех и крики болельщиков американского футбола, а над всем этим лились чарующие звуки южного блюза и американцы. Было тепло и безветренно, гуляли люди, попивая вишневую колу и пиво, и никто никуда не спешил, даже не думал, что надо куда-то спешить!

Мы купили большую порцию мороженого на двоих и устроились на террасе кафе. Джой радостно оглядывалась.

– Я когда-то уже была здесь, это было давно. Я тогда повстречалась с одним замечательным молодым человеком и его семьей. Он музыкант, и мне посчастливилось побывать на концерте его группы в местном Доме Блюза. Это было прекрасно! Я влюбилась в его музыку с первых нот, и не могла отказать себе в удовольствии пообщаться с ним после шоу. Он оказался невероятно милым, немного застенчивым и скромным, а потом я познакомилась с его женой и маленькой дочкой. До сих пор воспоминания об этом эпизоде в моей жизни вызывают у меня улыбку...

Город не планировал засыпать той ночью. Если такое оживление царило там субботним вечером, что же обычно тут происходило по пятницам? Впрочем, может когда-нибудь мне и удастся это выяснить. Я пока не знал, какие у Джой были планы на будущее, и что мы будем делать после того, как доставим машину адресату, но я ни на миг не сомневался, что она не останется здесь надолго. Уж слишком прилежно она изучала мой атлас, словно стараясь наизусть запомнить все карты и дороги. А я сам пока толком не знал, куда бы я хотел дальше отправиться. До этого момента всегда находился кто-то, кто подсказывал мне, что делать дальше. Сначала Дэни отправила меня в Калифорнию, потом Джой позвала в Сан-Фран, а оттуда Джэффри отправил сюда. Наверное, снова должен найтись кто-то, кто дал бы мне раз-

гоночный пинок. Хотя, может, уже пора прекращать полагаться на других и самому принимать решения?

Мы шли по одной из улочек старого города, когда Джой вдруг схватила меня за руку и очень уверено потащила в сторону клуба, из которого доносилась музыка, и который оказался тем самым Домом Блюза, о котором она мне рассказывала. На сцене выступала группа, состоявшая из трех парней и двух девушек, может, чуть старше меня, и они играли очень веселую музыку. Одна из девушек, не переставая улыбаться ни на секунду, играла на банджо, и его задорный звук просто не мог оставить никого равнодушным. У другой девушки в руках был бубен, на котором было написано «Любовь реальна», и это тоже вызывало улыбку. Ну, эти ребята не могли ошибаться! Мы заплатили за вход и присоединились к зрителям. Когда эти ребята отыграли свой час, на сцену вышла другая группа, и Джой запрыгала от счастья и захлопала в ладоши так громко, что в одиночку стоила целой толпы.

– Это тот самый музыкант, о котором я тебе рассказывала! – прокричала она мне прямо в ухо.

И, надо признаться, это были великолепные три часа моей жизни. Это была настоящая американка, самая светлая и солнечная музыка, которую только можно было вообразить. Да и какой могла быть музыка в городе, где триста шестьдесят дней в году светило солнце? Я чувствовал, как во мне разгоралось солнце, мое личное, маленькое, но яркое и теплое солнце. Вообще-то, оно было там всегда, просто в тот момент оно как будто подзарядилось от этой музыки и от людей вокруг, и от калифорнийского солнца, и от Джой, в первую очередь от нее.

После концерта мы остались ждать музыкантов у выхода. Когда вышли участники первой группы, мы поболтали с ними, выражая свою признательность за отличный концерт и желая всяческих успехов в творчестве. Они скромно улыбались и благодарили, хотя, казалось бы, за что? Это нам надо было благодарить их за чудесную музыку и прекрасный вечер. Джой сфотографировалась с ними, и ей даже дали подержать бубен, от чего ее улыбка достигла такой ширины, с которой могла соревноваться только улыбка чеширского кота.

Ну, и конечно, мы дождались музыкантов второй группы. Солист заметил Джой, прищурился и улыбнулся.

– О, привет, давно не виделись!

Она представила нас друг другу, и он пожал мою руку. Мы поблагодарили его и его друзей, а он, опять-таки, поблагодарил нас, чем снова привел меня в недоумение. Ведь мы были всего лишь слушателями, разве нет? Они давали нам в разы больше, чем мы могли бы дать им!

Джой снова протянула мне камеру, и я сфотографировал их. Парень улыбался. На прощание она попросила его передать привет его семье, и расстались они со словами: «Увидимся в следующий раз», и я даже не сомневался, что да, увидятся.

На обратном пути мы почти бежали. Потому что хотелось бежать и прыгать, и петь, и плакать от счастья. Это было чудесное чувство, вызванное чудесной музыкой и не менее чудесными людьми. Джой пела. Ее голос-виолончель отражался от стен домов и смешивался с возбужденным шумом абсолютно счастливого города.

Сильно за полночь мы вернулись к нашей машине. Я вытащил из рюкзака небольшой, но теплый спальный мешок, и мы вдвоем устроились на заднем сиденье автомобиля. Уже утром мы должны были расстаться с этим нашим временным пристанищем, а уж что там дальше – должно было показать время.

Рано утром я завел мотор и погнал машину к кварталу Газовых фонарей, который на время выставки перекрывали и делали полностью пешеходным. Не смотря на то, что на дворе было начало октября, солнце светило во всю, и было очень тепло.

Женщина-полицейский пропустила нас, и я медленно ехал, оглядываясь по сторонам, пока вдруг Джой не вскочила на ноги и не замахала руками, выкрикивая имя брата Джэфа.

– Лерой! Рой!

Мужчина, такой же здоровяк, как и его старший брат, вскинул вверх руку и приветливо нам помахал. Рядом с ним в кресле сидела женщина в темных очках. У нее на ноге был гипс. По-видимому, это была его жена.

Я стал парковаться, и Джой еще на ходу выскочила из машины. Рой поймал ее и крепко обнял.

– Привет, неугомонная!

Я вылез вслед за ней и пожал мужчине руку, он похлопал меня по плечу. Потом внимательно осмотрел машину и удовлетворенно закивал.

– А я и не сомневался, что все отлично будет, когда мне Джэф сказал, кого он нашел нам в помощники. Спасибо, парень, отличная работа!

Потом мы втроем взяли какие-то тряпки и до блеска отполировали «Кадиллак», счистив с него пыль калифорнийских дорог. Машина засверкала, как новенькая, в нее можно было смотреться, как в зеркало.

По улицам ходило все больше людей. Они останавливались, щелками фотоаппаратами, болтали с владельцами автомобилей. Рой усадил какого-то мальчишку за руль и разрешил погудеть в клаксон.

Мы с Джой тоже не отказали себе в удовольствии пройтись среди рядов этих красивых машин, на что ушел час нашего времени, а потом снова вернулись к ставшему уже родным «Кадиллаку». Рой вытащил из кармана бумажник и протянул мне деньги за работу и «чаевые», как он выразился. Я протянул сто долларов Джой.

– Держи, половина нашего вознаграждения по праву твоя.

– С чего бы это? Я за руль даже не садилась.

– Все равно без тебя ничего бы не было.

Она втянула воздух сквозь стиснутые зубы и натянуто засмеялась.

– Вот зря же ты мне деньги даешь, Марко!

– Почему?

– Да я на них продолжу путешествовать..., – спокойно ответила она, чуть улыбувшись.

Весь день мы провели в парке Бальбоа, гуляя по его аллеям и павильонам, и по самому большому и интересному зоопарку, в котором мне когда-либо удавалось побывать. В нем были сотни зверей и птиц всех расцветок и видов, но больше всего, конечно, нам понравились панды. Эти ленивые гигантские еноты безмятежно жевали бамбук и не обращали ровным счетом никакого внимания на туристов, которые щелкали фотоаппаратами и показывали на них пальцами. Впрочем, лично моим кумиром стала красная панда, как тряпочка висевшая на ветке дерева с выражением полного умиротворения на морде.

К вечеру мы вернулись в центр города, где нас встретили Рой и его жена и предложили нам поужинать где-нибудь с ними, а потом остаться у них на ночь. Идея была, безусловно, хороша, поэтому мы с радостью согласились.

Мне понравилось проводить время с этими простыми и приветливыми людьми. Вкусная еда, холодное пиво и непринужденная болтовня – как раз то, что мне было нужно, чтобы полностью проникнуться духом самого южного города Калифорнии. Что ж, когда-нибудь...

Ночь я провел на диване, о чем совершенно не жалел. Мне было удобно и спокойно, и я предвкушал новый день, который должен был принести новые впечатления.

И первым, что принес мне новый день, оказались шок и разочарование. Я проснулся в самом прекрасном расположении дух, умылся, оделся и отправился на кухню, где уже слышал разговоры. Однако, за столом сидели только Лерой и его жена, а Джой нигде не было видно.

– Доброе утро! – сказал Рой, пододвигая ко мне тарелку с блинами.

– Доброе..., – пробормотал я, оглядываясь, – а Джой еще не встала?

– Она уже уехала, – немного удивленно сказал мужчина, – она тебе не говорила?

– Нет...

Он улыбнулся.

– Да, в этом вся она. Сегодня здесь, завтра там, и ищи ветра в поле. Она и правда как ветер – никому не принадлежит.

Я опустил на стул и тяжело вздохнул. Я успел накрепко привязаться к этой сумасшедшей девчонке, и знал, что мне будет ее не хватать. Интересно, каков был шанс, что я хоть раз еще встречу с ней? Что наши дороги пересекутся еще хотя бы один раз? Этот мир огромен...

Как бы то ни было, я не мог задерживаться. Я за все поблагодарил своих хозяев, а сам собрал вещи и отправился дальше. Устроившись на скамейке на остановке, я рассматривал страницы в атласе, посвященные приграничным районам Штатов. Куда теперь? На севере осень уже вступила в свои права, там, наверное, было красиво, и я не мог позволить себе пропустить такое зрелище. Но близость к Мексике тоже имеет свои преимущества. Тихуана совсем под боком, да и Мехико – город вечной весны. А индейские города... здесь тоже было слишком много всего интересного! Надо было делать выбор, нельзя же вот так просидеть весь день!

Я решил подбросить монетку. Если бы выпал орел – я бы поехал на север, решка – на юг. Если бы вдруг монета встала на ребро – уехал бы куда-нибудь на восток, ну, а если бы зависла в воздухе – отправился бы вплавь через Тихий океан. По-моему, все было честно.

Выпал орел, поэтому я встал и отправился в ближайшее кафе со свободным доступом в интернет, чтобы узнать, каким образом мне попасть на север.

По воле судьбы я оказался именно в этой кофейне. На бумажном стакане с черным кофе красовалось мое имя, а я прекрасно знал, даже не будучи знатоком, что это самый лучший кофе, который я смог бы найти в Штатах. Пока не могу говорить за весь мир, не так много стран я посетил. Но лично для меня это было так. Что если поехать в город, где родился этот кофе? Что если поддаться порыву и помчаться в самый дождливый и туманный штат, где кирпичные дома перемежаются небольшими кофейнями, а на рыночной площади по-прежнему торгуют рыбой?

Я бродил по ссылкам, сулившим мне дешевый перелет в Сиэтл, и в конце концов набрел на прекрасное предложение, отвечающее всем моим пожеланиям. За смехотворную сумму небольшой самолетик готов был переправить меня из аэропорта Сан-Диего в этот северный город. Я с наслаждением допил кофе, понимая, что через несколько часов получу уникальную возможность напиться им так, что он будет литься у меня из ушей, встал и вернулся на остановку, где дождался автобуса до аэропорта. Еще одно преимущество этого города – на аэродром можно было попасть, сев на обычный автобус в центре.

Я так и не понял, как этот самолет летел. У меня сложилось впечатление, что только благодаря коллективным молитвам всех его пассажиров. Лично я всю дорогу наблюдал за крылом, перемотанным черной армированной изоляцией.

Однако, не смотря ни на что, мы приземлились в аэропорту Сиэтла, и я, счастливый снова оказаться на твердой земле, направился в город.

Осень в Сиэтле накрыла меня сразу. После такого все еще жаркого юга прохлада севера была приятна и даже необходима. Как я и предполагал, небо было почти полностью затянуто низкими серыми облаками, и только изредка к земле прорывались лучи октябрьского солнца. Они отражались от шпиля Спейс Нидл и устремлялись в улочки и переулки окраин. Город сотен каналов и миллиарда мостов, город тысяч кофеен.

Я постоял немного перед высоким терракотовым зданием, из крыши которого выглядывала сирена, пристальным взглядом следящая за всем, что происходило в ее владениях, а потом решил прогуляться по портовому району и направился на Пайк Плейс.

Начал накрапывать дождь. Я натянул капюшон куртки и продолжил свой путь. Вскоре погода испортилась окончательно, и я было совсем отказался от своей прогулки, когда заметил девушку. Она сидела на краю моста и смотрела на воду. Из-под капюшона ее куртки виднелась копна рыжих волос, пальцами она с силой упиралась в асфальт. Я внутренне вздрогнул,

потому что вдруг совершенно четко осознал, что сейчас она оттолкнется и соскользнет в воду. Я бросился прямо к ней.

– Привет! – крикнул я, совершенно не представляя, что мне надо говорить и делать.

Она еле заметно вздрогнула и повернулась ко мне. У нее были оливковые глаза и очень светлая кожа. На ее лице было написано такое безразличие, что мне стало не по себе.

– Привет, – повторил я, – ты не знаешь, как мне попасть в порт?

– Здесь все – порт, – устало ответила она, – куда ни глянь – всюду вода...

– Да, точно, как-то мокро сегодня, правда?

– Здесь каждый день мокро.

– Я не здешний, не привык еще, и мне необходимо согреться. Не составишь мне компанию? Можно мне угостить тебя горячим шоколадом?

Она снова посмотрела на меня. Ее лицо не выражало абсолютно ничего, как будто кто-то стер с него все эмоции, а она больше не способна испытывать чувства.

– Пожалуйста, – попросил я.

– Кофе, – спокойно сказала она, – я буду пить кофе.

– Конечно, конечно кофе, что это я...

Я протянул ей руку, помог забраться обратно на мост и встать. А потом мы вместе, молча, дошли до ближайшего кафе и взяли по большой кружке кофе со сливками. Она обхватила кружку руками и отсутствующим взглядом стала смотреть в окно, по которому хлестали струи дождя. Я все никак не мог придумать, как мне завязать с ней разговор, а она и не думала мне помогать. Кажется, ничто не вызывало ее интерес, она была полностью погружена в какие-то свои мысли, куда мне определенно был вход заказан.

– Ты... ты там сидела, на мосту... скажи мне, что ты не собиралась оттуда прыгать, – наконец сказал я, не найдя ничего лучшего.

– Вообще-то, – устало отозвалась она, – именно это я и собиралась сделать. А потом решила, что последняя чашка кофе явно не помешает.

– Но почему?

Она промолчала.

Я понял, что надо собрать по закоулкам мозга все свое образование, все, что я знаю о психологии отклонений и поставить ей диагноз. Депрессия? Определенно. Какое-то пограничное состояние или полярное расстройство? Да уж наверняка. Но я не совсем психотерапевт – я бихевиорист, я всегда изучал поведение людей, старался найти логическое объяснение их поступкам. И вот у меня появилась уникальная возможность выяснить, почему молодая и красивая девушка чуть было не спрыгнула с моста.

– Как тебя зовут?

– Меня никак не зовут, никто и никогда, поэтому это не имеет никакого значения.

– Это имеет значение для меня.

Она слегка склонила голову.

– Фэй, – сказала она, – если уж тебе так интересно.

– А меня – Марко.

– В честь Марко Поло, что ли?

– Типа того. Только ударение на последний слог. А ты... может, расскажешь мне, почему ты там сидела, на мосту? Что случилось?

– Зачем тебе это знать?

– Потому что я хочу помочь.

– Да ты меня даже не знаешь.

– Я знаю твое имя. Для меня это уже достаточно веская причина.

Она откинулась на спинку стула и огляделась, словно только сейчас обратила внимание на то, где мы. В кофейне было почти пусто – похоже, кроме нас не нашлось много любителей гулять в такую погоду.

– Хочу курить, – пробормотала она.

Но курить в кафе было запрещено, поэтому она поднялась, накинула куртку и пошла к двери, оставив на столе недопитый кофе. Я вскочил, попросил девушку-бариста не забирать наши кружки и вышел за ней. Фэй вытащила из кармана промокшие сигареты и попыталась просушить одну над огнем зажигалки. Ей удалось закурить, и она закрыла глаза, выдыхая дым через рот и нос.

– Черт бы побрал эту погоду. Черт бы побрал этот проклятый город. И его, и его жителей, и этот кофе, и все, что с ним связано, – сказала она, снова затягиваясь.

– Перестань, это ведь просто погода...

Она смерила меня оценивающим взглядом.

– Ты ведь не местный, да? Почему тебе знать, как дождь разжижает мозги, как он убивает чувства и мысли? Это капкан, из которого нельзя выбраться. Можно только отгрызть себе лапу.

– Но ведь можно уехать? – я поймал спасительную ниточку, – если это погода так действует на тебя, не обязательно прыгать с моста. Просто уезжай! В Калифорнии всегда солнечно...

– Нет, – прошептала она после долгого молчания и вмяла окурки в пепельницу на урне, – нет, дело не в погоде... хотя и она не помогает, но дело не в ней. Этот дождь... он же не снаружи идет – он внутри идет у меня, уже много долгих лет, не прекращаясь, даже не ослабевая. Просто... просто мне еще никогда не было так спокойно. Как только я твердо решила умереть, я почувствовала свободу, определенность и спокойствие. И надо дойти до конца, чтобы успокоиться окончательно. Потому что я больше не могу так жить. Эта чертова тревожность убивает меня быстрее, чем никотин и кофеин вместе взятые.

Мы вернулись за наш столик к остаткам кофе.

– То есть, ты просто ищешь спокойствие, и решила для себя, что самое спокойное место на земле – это городской морт Сिएтла?

– В общем, да.

Я задумался. То ли в ее рассуждениях вообще не было логики, то ли я не видел ее, но все это казалось мне какой-то нелепицей, фарсом. В этот момент она залпом допила свой остывший кофе и встала.

– Спасибо за кофе. А теперь извини, мне надо закончить начатое.

И, о да, судя по ее лицу, я не сомневался, что она выполнит задуманное.

Вы когда-нибудь разговаривали с самоубийцей? Вам удавалось взять интервью у человека, который уже одной ногой стоит в могиле? Это примерно как видеть, как падает самолет: ты чувствуешь всепоглощающую беспомощность от осознания факта, что ты ничем не можешь помочь и ничего не можешь изменить, но чувствуешь, что должен, что если не сделаешь ничего, будешь винить себя до конца своих дней, во сне будешь видеть эти пустые глаза.

– Фэй, – сказал я, схватив ее за руку, – пожалуйста. Сядь. Не надо.

Я не знал, что сказать. «Не надо» – это было лучшее, на что я был способен. В этот момент мне вспомнилась Джой, и я почему-то был уверен, что она нашла бы подходящие слова, чтобы отговорить эту девушку от такого ужасного поступка.

Фэй, похоже, прочитала все мои чувства на моем лице. Она улыбнулась, наклонилась и поцеловала меня в щеку.

– Спасибо тебе, Марко. Это была лучшая чашка кофе в моей жизни, а я выпила миллиард чашек. Не терзайся. Лучше подумай о том, что доставил удовольствие умирающей. Пусть это скрасит твою тоску. Не надо печалиться о том, чего ты не можешь изменить. Радуйся тому, что тебе удалось сделать.

– Я просто не пушу тебя, – сказал я, сильнее сжимая руку на ее запястье.

– Боюсь, что это ничего не изменит. Так не может вечно продолжаться. Пожалуйста, отпусти меня. Я так долго мучилась. Я хочу отдохнуть. Все в порядке, правда.

Мысли лихорадочно носились в моей голове. Мне необходимо было придумать что-то такое, что удержало бы ее на земле, потому что представить какой-то иной исход я просто не мог.

– Год. Дай мне год, и я найду для тебя такое место на земле, где ты сможешь быть счастливой. Дай мне год, и я найду человека, который сделает тебя счастливой!

Она смотрела на меня сверху вниз, и в пустом ее взгляде я вдруг увидел жалость. Она покачала головой.

– Год! – не отступал я, – ну же! Каких-то двенадцать месяцев, прошу тебя. Ты так долго держалась, продержись еще чуть-чуть, и я обещаю, станет легче.

Она думала, я видел это по ее лицу. Размышляла. А о большем я не мог и мечтать. Если бы она на все сто процентов решила распрощаться со всем, она бы уже ушла. Но оставалась эта миллионная доля процента, которая еще могла удержать ее здесь, и я схватился за этот шанс, как утопающий за соломинку.

– Жалеешь уже, что встретил меня? – спросила она.

– Нет, наоборот. Я счастлив, что встретил тебя. Если бы я тебя не встретил, твое тело уже плыло бы к морю. А так, ты живая и теплая, и очень красивая, стоишь здесь и сейчас. Так мы договорились? Всего лишь год.

Она посмотрела на дождь за окном, потом на мирно беседующих за стойкой бариста, на сидящего за угловым столиком мужчину с газетой, а потом снова на меня.

– Ты сумасшедший, – прошептала она.

– О, у меня были учителя! Ну так что?

Она обессилено опустила на стул и закрыла лицо руками.

– Ты понимаешь, что обрекаешь меня на двенадцать месяцев страданий?

– Да.

– И тебе не жаль меня?

– Прости, но нет.

Она провела руками по своим рыжим волосам и глубоко вздохнула.

– Только год, – настаивал я.

– Хорошо, – сдалась наконец Фэй, – ровно через год. На этом же месте. В это же время. Если ты не придешь по той или иной причине, я не расстроюсь. Но ты мне должен кое-что пообещать.

– Да?

– Если ты не сможешь мне помочь, не терзайся. Если забудешь, не вспоминай. Это будет уже не важно, – она снова поцеловала меня и зашагала к выходу, – все не так уж важно, – сказала она, обернувшись на пороге, и скрылась в струях дождя.

У меня на мгновение замерло кровообращение. Потом я кое-как пришел в себя, пытаюсь осознать, что же я только что такое сделал. Я придумал для себя предлог, чтобы продолжать двигаться дальше. Как молекула в броуновском движении, без вектора и цели, просто куда забросит меня судьба, потому что одна девушка может умереть, если я остановлюсь.

Я взял свои вещи и вышел под ослабевший дождь. Кажется, погода решила надо мной сжалиться.

Мне удалось найти для себя ночлег в небольшом чистом хостеле в центре, а на следующее утро я отправился бродить по городу, продолжая прерванную накануне прогулку. Наслаждаясь видами и отсутствием дождя, я думал о знаках. Нет, не о дорожных, хотя и о них тоже, но больше все-таки не о них. Я думал о знаках, которые нам преподносят жизнь. И что если следовать этим знакам, судьба может завести нас в такие места, где мы и не надеялись побы-

вать, куда вряд ли сами дошли бы, если бы не пользовались подсказками. Главное увидеть их. Я вспоминал, какая была последняя подсказка, которую я получил? Наверняка это должно было произойти еще в Калифорнии. Наверняка мне ее должна была дать Джой, потому как больше никому.

Как раз в этот момент я проходил мимо книжного магазина и вспомнил об ее привычке таскать с собой стопку книг. Я зашел и стал осматривать полки. Что же такое было с книгами? Мы ехали из Сан-Фран, и она что-то сказала о книгах... я увидел имя Керуака на обложке. Нет, слишком очевидно. И потом, я уже был в его вотчине, пора было двигаться дальше. И тут в мозгу всплыло имя, которое произнесла Джой, сравнивая себя с персонажем. Я поймал пробегающего мимо работника магазина.

– Извините, вы не могли бы мне помочь? Вопрос странный, конечно, но может, вы знаете книгу, в которой главного героя зовут Крис МакКэнделс?

Парень задумался, но потом его лицо прояснилось.

– Конечно, знаю! Странно, что я забыл, это отличная книга!

Он вбил что-то в компьютер и выдал мне чек, на котором был указан автор и название, а также полка, где я мог найти эту книгу.

Через десять минут я уже сидел в очередной уютной кофейне, заправляясь очередной дозой кофеина и читая вновь приобретенную книгу. Время шло, а я все читал и читал. История захватила меня, и я сразу увидел, что моя ненормальная подружка действительно могла быть реинкарнацией этого молодого человека. А почему бы и нет, собственно? Что мы знаем о переселении душ, о том, как тесно все связано? В конце концов, никто так ничего и не доказал, но верить-то хочется...

Итак, Аляска. Аляска?

Но только я-то не искал уединения в глуши, я наоборот стремился к людям, какими бы они ни были. Поэтому мне нужно было попасть в Анкоридж или Фейрбенкс или куда там еще можно попасть? Или вот еще хорошая идея – отправиться на рыбный промысел! А что? Может, удалось бы заработать немного денег, чтобы двигаться дальше, потому что мое финансовое положение стремительно ухудшалось, а поправить его можно было только работая. Да, по стране можно было кое-как перемещаться автостопом, у меня был спальник, да и я не был привередлив по части удобств. Но если я действительно хотел найти такое место, где Фэй было бы спокойно, я должен был постараться получше.

Я забрал свои вещи и вышел за город, на трассу. Теперь мне оставалось только вытянуть руку и ждать, когда кто-нибудь согласится подбросить меня на север, в осень и приближающиеся холода. Впрочем, меня это не слишком пугало – я не собирался долго задерживаться на Аляске, и к зиме рассчитывал переехать в более теплый климат.

Возле меня притормозила серая легковушка, и водитель сказал, что едет в Ванкувер, до которого он вполне мог меня подкинуть. Я обрадовался и принял его предложение.

Мы ехали чуть больше двух с половиной часов, за которые мой водитель успел рассказать мне обо всех своих проблемах, а я ему искренне посочувствовал, но вряд ли помог. Хотя, на самом-то деле, большинство людей и не нуждается в советах – им просто нужно выговориться, а мои уши, уши совершенно постороннего человека, идеально подходят для таких монологов.

В Ванкувере мы попрощались, и я побрел через город, предварительно справившись в какой-то туристической конторе о том, какой трассой мне предстоит добираться дальше на север. Через некоторое время я снова оказался на шоссе и снова вытянул руку, стараясь поймать попутку. Минут через пятнадцать у меня за спиной раздался протяжный гудок, похожий на крик раненого мамонта, и рядом со мной затормозила огромная фура.

Я залез в кабину. Водителем был рослый мужик во фланелевой рубашке и кепке, с многодневной небритостью на добродушном лице и веселыми блестящими глазами.

– На север топаешь, парень?

– Да.

– Куда собрался?

– На Аляску, сэр.

– Хорошее дело. Я еду в Принц-Джордж, это отсюда миль четыреста восемьдесят с мелочью, все время на север. Так что нам по пути!

– Спасибо!

Я знал, что в тот день мы не добрались бы до городка, что встроенная система не позволила бы моему водителю вести машину без перерывов, и в какой-то момент ему надо было отдохнуть, но мне ведь было некуда торопиться. Относительно некуда.

Моего веселого водителя звали Билли, и он расспрашивал меня о моих путешествиях и признался, что сам тоже всегда мечтал посмотреть другие места. Наверное именно поэтому он стал дальнбойщиком. Он уже много раз пересек Канаду с севера на юг и с запада на восток и искренне любил свою северную лесную страну. Я пообещал, что обязательно попутешествую по Канаде, когда получится.

Через несколько часов мы остановились у придорожного кафе и поужинали. Билли выразил желание угостить меня, как хозяин, которому не пристало брать деньги с гостя, и мы сидели и болтали до самой ночи. А ночью он забрался в свою подвесную кровать в кабине фуры, а я устроился на сиденье, и мы оба уснули, и каждому из нас снились сны о своих дорогах.

На следующий день мы добрались до Принц-Джорджа, где нам предстояло попрощаться. Билли пожал мне руку и поблагодарил за компанию.

– Ты поосторожнее только, малыш, смотри в оба!

– Хорошо. Спасибо за все!

– Не за что. Ровной тебе дороги!

Мы расстались, и я пошел дальше по дороге, надеясь на лучшее. На этот раз мне пришлось пройти несколько миль и пропустить пару машин, но, в конце концов, мне улыбнулась удача в виде старого джипа, за рулем у которого сидел парень моего возраста.

– Привет! Куда идешь?

– На Аляску.

– Залезай, я еду в Принц-Руперт, это почти на границе с Аляской.

Мы поехали. Оказалось, парень, как и я, ехал из Ванкувера, где он закончил колледж, а теперь возвращался в свой родной городок, повидать семью, прежде чем отправиться на восток в большой город искать работу.

И еще почти целый день я провел в теплой машине и в хорошей компании. Мы слушали музыку, обсуждали книги и вообще прониклись друг к другу исключительно положительными чувствами.

Принц-Руперт оказался еще одним крохотным городком, расположенным в уютной канадской бухте. Мой новый приятель высадил меня в порту, а сам поехал к родному дому, потому что уже успел соскучиться по всем.

Я же разговорился с рыбаками с какого-то довольно-таки утлого баркаса.

– Да, мы плывем на Аляску, – усмехаясь, говорили они, – в Кетчикан, если тебе это о чем-то говорит.

– Вообще-то, ни о чем, – честно признался я и на глазах у изумленной публики выудил из рюкзака свой атлас и начал подробно его изучать.

– Боюсь, ты не найдешь там это место, – жалился надо мной один из моряков, – ну-ка... – он вытащил измятую замусоленную карту из кармана анарака и ткнул пальцем в один из островов, – вот тут Кетчикан, это деревня, совсем маленький городок. Даже наш Принц по сравнению с ним – Нью-Йорк.

– Отлично! – обрадовался я, – захватите меня, пожалуйста, с собой!

– Это можно, – пожал плечами рыбак, – да только что там делать-то?

Рыбаки собирались плыть в Кетчикан, чтобы забрать своего товарища, а потом уйти на промысел, так что они были не против прихватить и меня с собой. Но мне надо было где-то провести еще одну ночь.

– Если хочешь, оставайся на лодке, – предложил один из рыбаков, – это, конечно, не отель, но от ветра и дождя защитит. Спальник-то у тебя в рюкзаке найдется?

– Найдется! Спасибо вам огромное!

Я забрался в рубку баркаса и расстелил на полу свой спальник. Прежде чем окончательно уснуть, я передумал кучу мыслей. Я думал о Дэни, и о Джой, и еще о Фэй, потому что теперь я был перед ней в долгу, и эта мысль не отпускала меня. Но, с другой стороны, я был уверен, что за год сумею помочь ей. Главное, чтобы и она продержалась это время.

И где же теперь была Дэни? Все еще в Барселоне и вообще в Испании или уже полетела дальше в поисках приключений? И куда ускакала Джой? Исчезла до рассвета, и куда ее понесло?

Утром я проснулся от голосов – это рыбаки вернулись к баркасу, чтобы выходить в свое плавание. Я быстро поднялся и вскоре был готов отправляться с ними.

Один из них протянул мне спасательный жилет.

– Накинь-ка, а то мы, вроде как, за тебя отвечаем.

Наша посуда размерено затарахтела и плавно оторвалась от причала. Темные воды проливов хлестали по бортам и шуршали, когда их резал нос корабля. Я смотрел, как отдаляется берег и думал о том, что всего пару дней назад я был в цивилизации, а теперь меня несет в глушь.

Пролив протянулся изящной линией между аляскинскими южными островами, и мы неспешно тянулись к пункту назначения. Вскоре по правому борту показалось какое-то селение. Это был совсем крохотный городок, поселок, где у причала покачивалось несколько лодок, а за ним в несколько рядов стояли домики, выкрашенные в приглушенные природные цвета: зеленый, коричневый, бордовый. На причале стоял человек в яркой штормовке и, судя по всему, поджидал именно нас. Когда баркас подошел к берегу, он помог нам причалить и радостно поздоровался. Я же сердечно поблагодарил всю команду и отправился в город, если его можно было так называть.

Как ни странно, я обнаружил магазин, аптеку и целых две гостиницы. Пройдясь по улочкам, я вернулся в порт и зашел в бар, где в это время суток было совсем мало народу. Пара рыбаков потягивали утренний кофе, и я решил последовать их примеру. Женщина за стойкой, улыбаясь и приветливая, подала мне большую кружку и поинтересовалась:

– Турист?

– Ну, вроде того, но не совсем. Вообще-то, я надеялся найти работу.

– Работу? Странное место для начала карьеры! Чем же ты хочешь заниматься?

– Да мне все равно, на самом деле. Просто надо подзаработать немного денег, чтобы можно было продолжить путешествие.

Один из мужчин повернулся ко мне.

– Эй, парень, если тебе действительно все равно, где работать, может, пойдешь на мой баркас помощником? Большую зарплату не обещаю, но голодать не будешь.

– Это здорово, я с удовольствием! – обрадовался я, – только вот еще мне жить негде. Можно в этом городке снять комнату или что-нибудь такое?

– Об этом не волнуйся – если не привередлив, можешь жить у меня в амбаре, там будет и тепло, и места много, да и душ есть, правда летний.

– Это все вообще не проблема, спасибо!

Я никак не мог поверить, что так быстро и легко нашел и жилье, и работу.

Моего нового работодателя звали Роберт, но все в округе звали его Боб, и он был хозяином самой лучшей лодки. Сначала мы на его старом потрепанном пикапе съездили к нему домой, где я познакомился с его семьей в составе его жены, очаровательной маленькой женщины с лучистыми глазами, и двоих детей, мальчика двенадцати и девочки семи лет. Потом он показал мне мой новый дом – амбар, где под крышей была оборудована настоящая комната, с кроватью, столом и лампой. А что еще нужно для полного счастья? Позади амбара был открытый душ, где в теплое время года можно было мыться. Конечно, уже стояла осень, и погода не совсем располагала к водным процедурам на открытом воздухе, я не испугался. Мой отец, фанат здорового образа жизни, с малых лет закалял меня, видимо, именно для такого случая.

Я оставил вещи, вымылся, оделся, и мы с Бобом отправились на причал. Его судно было ярко выкрашено, подновлено и полностью отремонтировано. Сразу бросалось в глаза, что хозяин заботился о своем корабле. Когда мы подошли к борту, с баркаса к нам спрыгнула женщина алеутской внешности и заулыбалась.

– Привет, Боб!

– Привет, Алиги!

– Здравствуйте, – пролепетал я, когда ко мне обернулись задорные блестящие глаза.

– И тебе привет.

– Знакомьтесь, это вот Марко, хочу взять его нам в помощники.

– Марко? Морское имя! Когда-нибудь ходил в море?

– Нет, – честно признался я, – но я быстро учусь.

– Верю, – улыбнулась Алиги, а потом добавила, кивнув Бобу, – ангаинам игамана.

С этими словами она снова запрыгнула на баркас, а я повернулся к новому хозяину.

– Это означает «хороший человек» по-алеутски, – пояснил он, – Алиги всех насквозь видит.

Потом я узнал, что полное имя ее – Сунам Алиги, что означает «белая нерпа», и что семь лет назад она перебралась в Кетчикан с севера, где зима была слишком суровая и длинная, но ни Боб, ни она сама никогда не путешествовали южнее островов. Наверное, поэтому они с интересом слушали мои рассказы о Калифорнии.

Мы вышли в море. В лицо сразу ударил холодный мокрый ветер с привкусом соли и водорослей. Такой удивительно приятный и чистый запах! Казалось, его можно было пить. А еще – запах мокрых канатов и рыбы – так пах баркас Боба. Все это смешивалось в свежий коктейль местного воздуха, и я быстро пьянел, вдыхая его большими глотками.

Работа была тяжелая, но приносящая радость. Вытаскивание сетей, забор улова, расстановка сетей... веселого мало, но все-таки физический труд способен приносить удовольствие! Меня облачили в специальный рыбацкий костюм из непромокаемого комбинезона и сапог, и я старался поспеть за силачом-Бобом и маленькой проворной Алиги.

К пяти часам мы закончили и вернулись на пристань. Там мы занялись нашим уловом вплотную, и Алиги показала мне, что надо сделать с рыбой, прежде чем отправить ее охлаждаться в контейнеры, после чего ее сразу доставят в магазины.

– Сегодня мы поздно вышли, обычно мы доставляем товар к открытию. Сегодня же жители получают свежую рыбу прямо к ужину.

Так пошли дни. Еще затемно мы выходили в море, чтобы собрать улов, потом доставляли его по магазинам, а потом занимались лодкой и приготовлениями к следующему дню. Обычно, если ничего не случалось, к пяти вечера мы уже были свободны. У меня оставалось еще много времени, чтобы поболтать с рыбаками в баре, послушать их рассказы, погулять по городу с блокнотом и карандашами и порисовать в свое удовольствие. Еще я много времени проводил с семьей Боба. Его дети привязались ко мне, и я часто играл с ними, пока его жена готовила ужин. Я стал почти что членом семьи, и это радовало меня. Эти добрые гостепри-

имные бесхитростные люди понравились мне с первого взгляда, и я не ошибся, думая о них только хорошее.

По вечерам я читал, и книжка, купленная в Сиэтле, быстро закончилась, оставив после себя своеобразное послевкусие и полную мою веру в переселение душ, потому что Джой была словно списана с персонажа книги, которая, кстати, являлась описанием реальных событий.

Вскоре по утрам траву стал покрывать иней, и уже нельзя было мыться в моем душе, не нагревая воду. Время приближалось ко дню Благодарения, и весь городок был охвачен радостным предчувствием. На праздник к Бобу приехали его отец и мать его жены, а еще брат со всей семьей, и Алиги, у которой не было семьи, но кто был всегда самым желанным гостем в его доме. Я тоже получил приглашение, причем самое настоящее – его мне нарисовала дочурка Боба. Находясь в кругу этой дружной семьи, я невольно вспомнил свою, и впервые за свое путешествие понял, что соскучился по родителям. На следующий же день я пошел на почту и написал им длинное письмо, рассказывая о своих приключениях.

Наступил декабрь. Стало по-настоящему холодно и снежно, и совершенно понятно, что зима будет, что бы по этому поводу ни думали люди. И я начал задумываться о том, что и мне пора было перебраться на юг, подальше от холодов и снегов Аляски.

– Марко, а ты останешься с нами на Рождество? – как-то за ужином спросила дочка Боба, и вся семья с интересом на меня посмотрела.

– Не знаю, – только и смог ответить я.

Все чаще по вечерам я изучал атлас. Сколько еще в мире было мест, где я никогда не был и где всегда хотел побывать! Но на ту зиму надо было выбрать что-то южное и теплое. Как насчет Мексики и Латинской Америки? Можно было попробовать проехать по Трансамериканской трассе. Чиуауа, Монтеррей, Мехико, а потом Центральная Америка, а потом Колумбия, Перу... побывать на Мачу-Пикчу или рвануть на карнавал в Бразилии. Вот это планы! Как бы теперь постараться их воплотить в жизнь?

Когда я рассказал о своих планах Бобу и Алиги, они очень удивились, но не стали отговаривать меня. Боб только посетовал, что теперь снова придется искать помощника, а толковые ребята всегда на вес золота.

Так я решил, что надо было уезжать. В порту я договорился с приезжим судном, что они захватят меня, когда пойдут в Ванкувер, то есть через два дня.

В дорогу меня собирали всей семьей. Жена Боба выстирала всю мою одежду, дети помогли собрать рюкзак, а Алиги обеспечила меня запасом вяленого мяса и рыбы, на котором я смог бы прожить еще пару месяцев.

Когда пришел день моего отъезда, Боб и Алиги провожали меня на причале.

– Береги себя, парень! – сказал Боб, пожимая мне руку, – я надеюсь, что твой план осуществится, а потом ты еще как-нибудь вернешься в наши северные края. Ну, или хоть открытку пришлешь!

– Конечно, – заулыбался я.

– Я же говорила, – подмигнула алеутка, – ангагинам игамана!

Я взошел на корабль, и тот вскоре отчалил, а я еще долго махал с кормы двум фигуркам на пристани. Завернувшись в спальник, я устроился в трюме среди мотков каната и каких-то ящиков и продолжил изучать свой атлас. Из Ванкувера мне пришлось бы снова добираться через Сиэтл, Сан-Франциско и Эл-Эй, через Сан-Диего и Тихуану в Мексику. Это было бы еще одно калифорнийское путешествие. Что ж, если мне суждено было два раза прокатиться по одной и той же трассе, я не был против. Люди-то и впечатления все равно были бы другие.

Когда на следующий день наше судно вошло в порт Ванкувера, я распрощался с моряками, пристегнул футляр с саксом к рюкзаку, закинул его на плечо и направился в город. Мне на глаза попала вывеска в витрине какого-то туристического агентства, которое предлагало дешевые перелеты в любой конец света. Я наудачу зашел и к радости своей узнал, что за десять

долларов смогу значительно сократить свой путь, долетев до Мехико. Что ж, пришлось бы пропустить пару городов, но зато сколько времени я бы сэкономил! Я согласился, и уже через двадцать минут стал счастливым обладателем билета в один конец на следующее утро. На радостях я отправился гулять по городу и искать место, где можно было перекусить чем-нибудь кроме сушеного мяса.

К вечеру я решил отправиться в аэропорт и провести там ночь. К моей радости я обнаружил там круглосуточный магазин, где купил себе новую книгу, и кафе, где я взял кофе, устроился за угловым столиком и погрузился в чтение.

После двух третей книги и галлона кофе меня позвали на посадку. Я втиснулся в кресло и мгновенно отключился, предоставив самолету нести меня туда, куда он пожелает, мне было уже все равно.

Очнулся я на посадке, спустя несколько часов. За иллюминатором простиралась сухая равнина Мексиканского нагорья. И еще через час, пройдя формальности таможни, я стоял у дверей аэропорта, оглядываясь по сторонам и думая, куда бы деть мою теплую парку. Вряд ли она понадобилась бы мне в моих путешествиях ближайшее время.

Мехико называли городом вечной весны. Это из-за климата, на который очень влияло то, что город был поднят над уровнем моря на приличную высоту. Здесь редко стояла непереносимая жара, а зимы не были суровыми.

Для меня Мексика была страной стереотипов: сомбреро, мексиканской еды, наркотиков и бандитос. Но как можно составить свое представление о стране, никогда там бывав? Люди вообще странные существа. Мы по необъяснимой причине все время пытаемся повесить какие-то дурацкие ярлыки на все подряд: людей, места, вещи. Такое впечатление, что если мы все не подпишем, пронумеруем и не запишем в реестр, это сможет причинить нам вред. Все непонятное пугает нас, и именно поэтому мы вечно пытаемся найти всему логичное объяснение, а что не можем объяснить, то тут же попадает в разряд нежелательного, опального, и начинает преследоваться законом или моралью. Поэтому я старался как можно меньше попадаться на удочку стереотипов и не относиться ни к чему предвзято. Это и называется доброжелательностью.

Каждый раз, когда кто-то просил меня назвать мои положительные качества, в первую очередь я говорил, что я доброжелательный, и я искренне считал, что это самое лучшее качество в человеке. Это мне объяснил отец, еще когда я учился в школе и пообещал, что понимание этого факта будет помогать мне в жизни. В тот момент я, наверное, не совсем это понял, а вот потом, шли годы, и я все сильнее убеждался в его правоте. Мой отец вообще на удивление проницательный человек. Поэтому, когда у меня возникали вопросы житейского характера, которые я не мог сам решить, я всегда обращался к маме, потому что она по-житейски мудрая и смекалистая женщина, а когда у меня появлялись какие-то моральные дилеммы, с которыми я не мог справиться в одиночку, я обращался к отцу.

Так вот, о доброжелательности. Доброжелательность не равнозначна доброте. Доброта – это статичное качество. Можно быть добрым и любить котят, но беспричинно ненавидеть всех и каждого на своем пути. Я согласен, не все люди заслуживают любви, это очевидно. Но почти все заслуживают того, чтобы к ним относились доброжелательно. Доброжелательность – это умение не судить людей по одежке. Это умение ко всем относиться заведомо хорошо, вне зависимости от того, что еще может случиться между вами в будущем. Поэтому я, пожалуй, это качество в людях всегда ценил выше, чем ум и честность.

В общем, я нашел какой-то автобус, направляющийся в город, и устроился у окна, глядя на проносящийся за окном пейзаж. И больше всего меня поразило то, что этот город никак не вязался с тем, что рассказывали о Мексике. Это был крупный мегалополис, с современной архитектурой и совершенно нормальными людьми. И никаких бандитос. Или мне просто повезло? В общем, он выглядел как любой большой столичный город. И над городом плыл

густой серо-желтый смог, поэтому после кристально чистого воздуха Аляски я закашлялся, сойдя с автобуса в оживленном центре одной из самых крупных агломераций мира.

Через десять минут я оказался на огромной площади, по разным сторонам которой высились кафедральный собор и национальный дворец, а еще торчал флагшток с национальным флагом. И еще на площади была то ли ярмарка, то ли рынок, в общем, от людей было не протолкнуться. Я взирал на этот жужжащий улей со смешанным чувством восхищения и паники, а потом вдохнул поглубже и нырнул в самую его гущу.

Перейдя площадь во всех возможных направлениях, я выскочил в одну из прилегающих к ней улиц и слегка перевел дух. За то время, что я провел на Аляске, я совершенно забыл, что значит ходить по городу, где тебе в затылок дышит двадцать миллионов человек. А еще у меня не было карты, да и плана действий тоже, так что я чувствовал себя, мягко говоря, потеряннным. И мне сразу вспомнилась Джой. Мне нравилась ее компания, с ней было легко, ну, в некотором роде. А как она сама выдерживала все свои путешествия в полном одиночестве? Ну, ладно я, я парень, я привык, но она? И ведь она всегда путешествовала в одиночку, совсем как я! Мы вообще во многом были похожи... ну, за исключением того, что она была сумасшедшей.

Я понял, что давно не ел, и решил, что, раз уж я в Мексике, надо было ловить момент и искать настоящую мексиканскую еду. Я брел по какому-то улице, названия которой я не знал, да и не стремился узнать, в полной уверенности, что заблудиться в городе, который ты все равно не знаешь, невозможно. Как вообще можно сбиться с пути, если у тебя нет ни начального, ни конечного пункта маршрута?

В итоге я набрел на какую-то крохотную забегаловку, на удивление чистую, где за прилавком стояла женщина с самой ослепительной улыбкой, которую я когда-либо видел. А я ведь какое-то время провел в Калифорнии! Женщина поздоровалась со мной по-испански, и я ответил ей, и этим мой словарный запас был исчерпан. Я понимал испанский, но сам говорить не мог.

– Извините, может, Вы говорите по-английски? – с надеждой спросил я.

Она заулыбалась еще шире, что казалось мне какой-то супер-способностью, и повернулась в сторону окна на кухню, откуда доносились постукивания и шипение масла, и крикнула что-то. За окошком показалось смуглое молодое лицо и расплылось в такой же широкой, как у женщины, улыбке.

– Привет! – сказал парень, выходя к прилавку, – что будешь?

– Мне бы... понимаешь, я никогда не ел мексиканскую еду. Что посоветуешь?

Парень изумленно поднял брови и что-то сказал женщине, и та с таким же удивлением воззрилась на меня.

– Думаю, начать надо с тако, – уверенно кивнул парень и скрылся на кухне.

Я заплатил и устроился за угловой столик. Кроме меня в зале забегаловки было еще два человека: это были два пожилых сеньора в соломенных шляпах, которые сидели в другом углу, пили кофе и играли – нет, рубились! – в шахматы. Я никогда в жизни не видел, чтобы кто-то так азартно играл в эту вполне себе мирную игру.

Я вытащил атлас, раскрыл его на странице с Мексикой и погрузился в изучение дислокации. Вдруг передо мной опустилась огромная корзинка с начос и несколько мисочек с соусами, и хозяйка что-то стала говорить мне, но я уловил только отдельные слова. Я вытащил деньги и протянул ей, но она замотала головой и заговорила еще быстрее. В этот момент подоспел парень.

– Мама говорит, что это подарок тебе, потому что ты просто обязан попробовать вот это гуакомоле по ее рецепту, и еще вот это, и вот твоё тако, – с этими словами он опустил передо мной тарелку, и я едва успел вытащить из-под нее атлас.

– Спасибо большое, не стоило, правда, ну, честное слово!

– Ты все равно ее не переубедишь, так что смиришься.

Я поблагодарил женщину по-испански, но она не успокоилась, пока я не попробовал ее фирменный соус, и только после того, как она убедилась, что мне все нравится, она удовлетворенно кивнула и отошла, чтобы принести сеньорам очередные порции эспрессо.

Видимо, на кухне было скучно, поэтому молодой повар вскоре вернулся ко мне и улыбнулся.

– Ты откуда?

– О, я из Берлина.

– Это в Германии?

– Ага. Меня Марко зовут.

– Хорхе. Хорхе Гарсиа. А это моя мама, – добавил он, кивая в сторону женщины за прилавком.

– Я так и понял, у тебя ее глаза.

И правда, у парня были веселые черные глаза и широченная улыбка, а на голове – шапка волнистых черных волос. На нем была белая футболка, тертые джинсы и забрызганный маслом и соусом фартук. Но, собственно, фартуки ведь и существуют для того, чтобы быть забрызганными, верно?

Мы поболтали. Я рассказал, что путешествую, и о том, где уже успел побывать, и, оказалось, что Хорхе не был нигде дальше полуострова Юкатан, но мечтал однажды посмотреть мир. А еще он хотел стать шеф-поваром и открыть свой собственный ресторан, который стал бы знаменит на всю Мексику, а потом и на весь мир. Поэтому он хотел съездить в Париж, Лондон или Рим и поучиться у настоящих поваров. Мне нравилось разговаривать с ним, потому что он рассказывал мне о том, что было для него важным, что он любил, а когда люди говорят о чем-то, что им близко и дорого, они светятся изнутри. И это самый яркий в мире свет, ярче солнца и ядерных вспышек.

Я закончил обед и еще раз поблагодарил сеньору Гарсиа и ее сына, а потом обратился к Хорхе:

– Слушай, ты не знаешь, где здесь можно найти дешевый ночлег?

Он задумался, а потом повернулся и что-то прокричал матери, которая сразу высунула голову из-под прилавка, за которым гремела чем-то, и что-то быстро проговорила в ответ.

– Что? Что? – спросил я, пытаюсь разобрать слова, из которых понял два-три.

– Она говорит, что ты можешь остаться у нас, если тебе нормально поспать на диване в гостиной.

– Вы что, серьезно?

– Ну, да.

– Слушайте, да я счастлив буду, если вы мне на крыльце разрешите спальник раскатать! Ого, спасибо огромное! Но, кажется, я и так уже злоупотребляю вашим гостеприимством...

– Ничего, мой дом – твой дом, – сказал он по-испански, и эту фразу я понял.

В итоге, я оставил свой рюкзак и саксофон в подсобке, взял торбу и отправился на дальнейшее изучение города, договорившись с Хорхе, что встречу его у ресторанчика в девять часов.

Мехико был красивым городом. Красивым, шумным и приветливым. Там, конечно, были и настоящие мексиканские сомбреро, и люди в костюмах ацтеков и майя, но все это было лишь шоу для туристов. И я тогда подумал, что нельзя было упустить возможность и не отправиться на поиски древних цивилизаций на полуостров Юкатан. Побывать в Мексике и не захватить посмотреть на древние пирамиды? Не проверить теорию Тура Хейердала?! Да я бы в жизни себе такое не простил! Поэтому я стал наматывать круги по центру в надежде наткнуться на что-то вроде офиса по туризму, где можно было бы узнать о том, как попасть к пирамидам.

Впрочем, мне так и не удалось найти никакую информацию, и я решил вечером расспросить Хорхе. Наверняка он знал, что имеет смысл посмотреть в его родной стране.

Стемнело, и я вернулся к ресторанчику. Как? Для меня это осталось загадкой, потому что в какой-то момент я подумал, что на самом деле потерялся. Но потом я увидел купол кафедрального собора, который был главным ориентиром в этой части города, и восстановил свой путь от площади.

Хорхе был один, его мама давно уже уехала домой, а он обслуживал последних посетителей и убирался. Я предложил помощь, и вдвоем мы справились с работой гораздо быстрее. Он запер дверь, и мы пошли на автобусную остановку.

– Обычно я езжу на машине, но она до завтра в ремонте, поэтому приходится сначала на автобусе ехать, а потом еще несколько кварталов идти пешком. И, знаешь, это не самое лучшее место для ночных прогулок, – признался он, – так что придется тебе познакомиться с обратной стороной Мехико-Сити.

Через сорок минут мы сошли на какой-то полу заброшенной остановке под тусклым фонарем и углубились в неприветливые пригородные кварталы. Хорхе засунул руку в карман и вытащил нож с выскальзывающим лезвием.

– А вот реальность, – пробормотал он, и я впервые увидел, как улыбка исчезла с его лица, – здесь неплохо, почти всегда неплохо, только по ночам лучше не разгуливать.

Но до дома семьи Гарсиа мы добрались без приключений. Это был небольшой одноэтажный дом с плоской крышей. На крыльце болтался яркий фонарь, и во всех окнах, завешанных светлыми занавесками то ли с цветами, то ли с кукурузными початками, приветливо горел свет. Сеньора Гарсиа ждала нас, а вместе с ней ждал и горячий ужин.

Дом был небогатый, но уютный и очень чистый, видно было, что оба его обитателя любили это место, несмотря ни на что, и заботились о нем. На стене над тумбой с телевизором висело красивое распятие. Я задержал на нем взгляд, и сеньора Гарсиа сразу спросила у меня, верю ли я в Бога.

– Я... нет, я не верю в бога. По крайней мере, не в того, в которого нам велит верить религия. Я верю в силы природы и тектонику литосферных плит. Э...

Хорхе кивнул и в двух словах перевел мою речь маме, которая покачала головой, но потом улыбнулась, взяла меня за руку и закрыла глаза. Я непонимающе посмотрел на Хорхе.

– Она будет за тебя молиться. Она считает, что ты просто еще не пришел к Богу, что когда-нибудь ты поймешь, что заблуждался, и тогда сам сможешь молиться, а пока она будет это делать за тебя.

Несмотря на то, что рациональная часть моего сознания (то есть, девяносто девять процентов меня) была настроена весьма скептически, я все равно был тронут такой искренней заботой этой чудесной женщины.

– А ты, Хорхе, ты веришь?

– Конечно, – кивнул парень, вытащил из-под футболки маленький крестик и поцеловал его, – Иисус меня ведет по жизни, с ним я не оступлюсь. Он мне каждый день помогает, где бы я был без него? Наверное, торговал бы наркотиками, а не тако.

Тут он был прав. Наверное, Иисуса стоило уважать хотя бы только за то, что благодаря нему существовали вот такие ребята, как Хорхе. Хорошие, во всех смыслах положительные мальчишки и девчонки, которые любили своих матерей и по воскресеньям ходили в церковь. И какая разница, что они верили в какого-то мифического дядьку с бородой, если этот дядька подавал им хороший пример? Да хоть в макаронного монстра, лишь бы учил их доброте, понимание и состраданию!

Мы сели за стол, и сеньора Гарсиа принесла простой ужин: буррито с мясом и кукурузную похлебку. Но перед едой она взяла нас с Хорхе за руки и произнесла короткую молитву. Мне было очень вкусно! За едой я расспросил Хорхе о пирамидах, и он предложил отвезти меня в Теотиуакан, древний город, расположенный недалеко от Мехико, где можно посмотреть настоящие пирамиды ацтеков.

– Завтра у нас выходной, воскресенье. Поэтому с утра мы идем на мессу, потом я заберу тачку, а потом съездим туда, пойдет?

– Отличный план! А тебе это не помешает?

– Не, у меня все равно никаких планов не было.

На ночь меня разместили на диване в гостиной, сеньора Гарсиа снабдила меня всем необходимым, а перед тем, как погасить свет, спросила, пойду ли я с ними в церковь. Я не знал, что ей ответить, и она улыбнулась и пожелала мне спокойной ночи.

Проснулся я очень рано. Были серые утренние сумерки, но день обещал быть ясным. Впрочем, в Мехико почти всегда были ясные дни, так что опасаться было нечего. Я привел себя в надлежащий вид и надел чистую рубашку. Видимо, подсознательно я уже был готов отправиться с хозяевами в церковь. Мне было любопытно, надо признать.

Я побродил по комнате и остановился напротив этажерки, на которой стояли книги, разные памятные безделушки и фотографии в самодельных рамках. Это были в снимки трех мальчишек, выстраивающие хронологию жизни семьи. И на последнем были три брата: старшему было лет тридцать, среднему двадцать с чем-то, а младшему, Хорхе, около восемнадцати.

– Мои старшие братья, – сказал он, появляясь у меня за спиной, – но они оба уехали в Штаты. У них все в порядке, они хорошо устроились, не пропадут. Один открыл ресторанчик в Сан-Диего, а другой в Остине на киностудии работает.

– Ого! И правда, у них все хорошо.

– Это потому что мама молится за них каждый день.

Я улыбнулся. Как бы там ни было, я был рад, что в этой семье все складывалось наилучшим образом. Но на полке стояла еще одна черно-белая фотография, на снимке была молодая и очень красивая сеньора Гарсиа и мужчина с серьезным лицом и добрыми глазами. Они стояли на фоне их ресторанчика, на котором висел плакат «скоро открытие».

– Это отец, – объяснил Хорхе, – но его уже нет.

– Мне жаль...

– Да, мне тоже. Мне тогда четыре года было, и я не очень хорошо все помню. Но, знаешь, раньше в Мехико было... небезопасно. И, в общем... ты понимаешь.

Я понимал. Знал, что счастье и горе может разделять одна секунда, которой будет достаточно, чтобы пуля вылетела из дула пистолета. Например. Но Хорхе улыбнулся.

– Ладно, сейчас позавтракаем и пойдем в церковь. Ты с нами?

– Да.

Мы так и поступили. Я видел, что это доставило удовольствие сеньоре Гарсиа, хотя я, мягко говоря, выделялся на общем фоне, потому что в маленькой церквушке не было больше ни одного белого прихожанина. Люди искоса посматривали на меня, но не с неодобрением, а с любопытством. И, видимо, то, что я был с семейством Гарсиа, успокаивало их.

В церкви было светло и уютно, солнце пробивалось сквозь нехитрые витражи на окнах и расписывало каменный пол яркими красками. Месса была на испанском, поэтому я даже что-то понимал, а когда все запели выбранные псалмы, я просто наслаждался тем, как красиво и стройно получалось у этих простых людей петь, славя своего бога. Наверное, в этом не было ничего плохого и неправильного, и с этим согласилась даже моя сто раз рациональная сторона. Я закрыл глаза, наслаждаясь музыкой, и почувствовал, что сеньора Гарсиа взяла меня за руку, и от этого стало еще теплее на сердце.

После службы мы с Хорхе забрали его машину из маленькой мастерской в трех кварталах от церкви и, заправившись, отправились в «город-призрак». Конечно, мы постояли в пробке на выезде из города, но все равно довольно скоро доехали до Теотиуакана, где на подходе к пирамидам уже стояла целая армада автобусов и толкалась толпа туристов.

– Мда, – протянул Хорхе, – выходные, что поделывать.

Я заплатил за вход, и вскоре мы оказались прямо перед пирамидой Солнца. Зрелище впечатляло. Да, она была не самой большой и не самой известной пирамидой в мире, но, как бы там ни было, я смотрел на нее, раскрыв рот. Столько веков прошло, а оно стояла себе и стояла, и простояла бы еще не одно тысячелетие! Индейцы строили на века. Серые камни покрывал налет времени. А еще они впитали в себя реки крови, и не только от ритуальных жертвоприношений...

Тогда я подумал о так называемом «открытии» Америки. Это выражение всегда заставляло меня морщиться, еще когда мы проходили Великие географические открытия в школе. Мне никак не удавалось понять, как можно было открыть континент, на котором уже жили люди? Можно было открыть путь к этому материку, но это же совсем другое дело! Европейцы вторглись на земли майя и инков, и ацтеков, которые жили там не одно столетие, и провозгласили эти земли своими. А, собственно, по какому праву? Они принесли с собой только кровь, боль и болезни, и больше ничего. И это бесило меня, всегда! И я ненавидел Колумба за то, что он сделал. Поэтому я всегда больше симпатизировал тем, кто просто искал новые пути в дальние страны или исследовал неизведанные территории. Но Колумб? Нет уж, спасибо.

Когда мы гнали небесно-голубой «Кадиллак» в Сан-Диего, Джой рассказывала мне историю Тура Хейердала. Естественно, я слышал о нем и раньше и смутно знал его теорию и кое-что о его путешествии на плоту через Тихий океан, но Джой... она знала о нем все. Она прочитала все его книги, и все книги о нем, и вообще, знала его биографию в мельчайших деталях. Она восхищалась им. Она была в него влюблена. Так же, как она была влюблена в Джорджа Харрисона. Когда она узнала, что он умер, она не плакала. Она просто подумала, что он отправился в свое самое долгое и увлекательное путешествие, чтобы доказать всему миру очередную сумасшедшую на первый взгляд теорию, чтобы объявиться где-нибудь через несколько десятков лет с рукописью, толщиной с подушку, бросить ее на стол в Национальном Географическом Обществе и молча уйти, подняв средний палец перед лицами ошеломленных ученых. Ну, как-то так. И я точно знал, что если бы Тур позвал ее в самое опасное приключение, она отправилась бы, не моргнув и ухом, не потратив на раздумья ни секунды.

Вообще, по моей теории, в мире существовало несколько категорий людей, но самыми интересными были рыцари, волшебники и оруженосцы. Рыцари – лидеры, они тянут за собой, они пассионарии, как писал Гумилев, они «главные герои» книги под названием «Жизнь». Они выдвигают идеи, они собирают вокруг себя людей. Волшебники – это те, кто слушает. И они умеют не просто слушать, но и слышать, не только смотреть, но и видеть. Они исполняют желания людей, которые их окружают. И рыцари обращаются к ним за помощью, потому что даже самым сильным людям иногда нужен совет. И, наконец, оруженосцы – это те, кто всегда рядом, когда нужна помощь. В отличие от волшебников, их не надо звать, они просто всегда рядом. Они готовы помочь каждую секунду своей жизни. И если у волшебников есть амбиции и жажда признания, оруженосцы бескорыстны на сто процентов. Они последуют за своим рыцарем в самое пекло ада, если понадобится, туда, откуда возврата не будет, не задумываясь, только плечами пожмут. И в моем представлении, Джой была профессиональным оруженосцем.

– Брат?

Хорхе толкнул меня в бок локтем, и я понял, что погрузился в свои мысли настолько глубоко, что не заметил, что уже довольно долго стоял на вершине пирамиды, уставившись в пространство перед собой.

– Э... да, я тут, просто задумался.

– Красиво, да?

– Не то слово.

Мы провели в древнем городе почти весь день. Я старался не проваливаться в свои мысли, хотя это место каким-то почти мистическим образом способствовало их выработке.

Спасало меня только присутствие Хорхе, который рассказывал мне всякие истории о своей стране и семье. И одно было неотделимо от другого.

Мы ехали домой в сумерках. В машине играла музыка, страстная и заводная, как и люди в Латинской Америке. Под нее хотелось танцевать, даже если у тебя было плохо с координацией, а последний раз ты танцевал в детском саду танец маленьких утят, и то, не попадая в ритм.

Но на подъезде к городу машина вдруг начала чавкать, фыркать, шипеть и булькать, а потом вообще протяжно завывала, как раненый мамонт, и встала, вздохнув в последний раз. Мы переглянулись.

– Что это было? – пробормотал я, глядя на пар (или дым?), валивший из-под капота.

– Похоже, моя старушка отправилась напрямиком к Иисусу. Как думаешь, машины попадают в рай? Потому что моя заслужила причисление к лику святых, – он вылез и открыл капот, увернувшись от струи пара (или все-таки дыма?), – она еще моему отцу досталась уже изрядно подержанной, а потом на ней оба моих брата гоняли, до того, как она мне досталась.

Я заглянул под капот, но не увидел никаких видимых повреждений. Похоже, машина просто умерла своей смертью. От старости. Такое случалось. Мы откатали ее на обочину. Хорхе вздохнул, пожал плечами и улыбнулся.

– Ладно, займусь этим завтра, а сейчас надо до дома добраться, точно?

– Как скажешь. Завтра помогу тебе.

Мы нашли остановку и сели на какой-то автобус, а потом еще на один, и еще на один. Хорхе отлично знал местную транспортную систему, что не могло не радовать, учитывая размеры города. Правда, когда мы в очередной раз слезли с автобуса, он нахмурился.

– Не очень удачно заехали, конечно, но выбора нет. Надо пройти несколько кварталов, тогда сядем на наш автобус. Пошли!

Мы быстро шагали по темным улицам. Фонари, конечно, здесь были, но в большинстве лампочки были разбиты, поэтому между неровными пятнами света лежали океаны черноты. Хорхе сжимал в правой руке свой автоматический нож.

Вдруг темноту прорезал отчаянный вопль. Мы, не сговариваясь, кинулись на звук. Я мог не знать испанский, но слово «помогите» идентифицировал безошибочно на всех языках мира. В полутьме я увидел, как три парня схватили девушку, которая отчаянно брыкалась и кричала. Хорхе что-то проорал, и они обернулись в нашу сторону. В голове промелькнула мысль, что надо было снять очки, но рука среагировала быстрее мозгов, и я со всего маху врезал ближайшему бандиту. Удар пришелся в скулу, и я почувствовал боль в костяшках. События развивались слишком быстро. Каким-то восьмым глазом я заметил у одного из нападавших что-то длинное, то ли битую, то ли кусок арматуры, и в последний момент увернулся. А потом получил сокрушительный удар по носу. В глазах на мгновение потемнело, и я повалился на асфальт. Из лежачего положения я увидел, что девушка забежала в ближайший подъезд и захлопнула за собой дверь. По крайней мере, она была в безопасности. Тут я услышал, как рядом со мной упала арматура, схватил ее и врезал человеку, склонившемуся надо мной с занесенным кулаком. Он взвыл и рухнул, как подкошенный, прижав руки к лицу. И тут прогремел выстрел, и вспышка на мгновение осветила все вокруг. Я крепче перехватил свое оружие и треснул по руке с пистолетом. Раздался удовлетворительный хруст костей и нечеловеческий вопль. Хорхе отшатнулся, и я снова размахнулся железякой и ударил последнего нападавшего. Ругаясь на чем свет стоит, парни предпочли ретироваться. Похоже, они никогда не встречали очкарика, способного постоять за себя и ближнего, и повара с задатками ниндзя.

Я выронил арматуру, тяжело дыша, и повернулся к Хорхе.

– Ты как?

– Нормально, – прохрипел он, прижимая руки к боку, и я увидел что-то черное и маслянисто блестящее в неровном свете.

Я перекинул его руку через шею и посмотрел по сторонам. Улица была пустынна.

– На помощь! – закричал я, понимая, что раз уж никто не пришел на помощь девчонке, вряд ли кто-то пришел бы к нам.

Но тут дверь лязгнула, и из нее высунулась та самая девушка и бросилась к нам. Она что-то пролепетала по-испански и потянула меня за рукав. Я не понял ни слова, но последовал за ней, поддерживая Хорхе и прижимая его руку к ране. Мы вышли на довольно широкую улицу, и девчонка практически бросилась под колеса первой попавшейся машине. Из нее выскочил мужчина и стал орать на нее, но, увидев нас, распахнул дверь и помог уложить Хорхе на заднее сиденье. Девушка села рядом с водителем и попросила как можно быстрее ехать в больницу.

Я сидел с парнем, поддерживая его голову. Моя одежда пропитывалась кровью.

– Держись, брат, – бормотал я, хлопая его по плечу, – держись, не смей засыпать!

Мы быстро оказались в больнице, и девчонка помогла мне вытащить Хорхе. Она перекинула его вторую руку через свою шею, и вдвоем мы втащили его в приемный покой, потому что он уже потерял сознание. К нам сразу подбежал врач, а два санитаря подкатали каталку. Они забрали у нас Хорхе и на полной скорости покатали его по коридору. Девушка бросилась за ним, а я стоял, тяжело дыша, и вдруг почувствовал, как боль волной захлестнула сознание. Я прислонился к стене, сполз на пол и устался на свои руки, которые были по локоть в чужой крови.

Ко мне подбежала медсестра и стала о чем-то спрашивать, но, даже если бы я говорил по-испански, я бы не мог ответить. Сознание куда-то уплывало, и последние, о чем я подумал перед тем, как отключиться, было то, что у меня разбилось одно из стекол очков.

Я очнулся на узкой койке за шторой в приемном. Боль стала ноющей, все вокруг расплывалось, потому что кто-то снял с меня очки. На правой руке была шина. Я сел и скинул ноги с кровати. Очки валялись на тумбочке, и я надел их. Я вылез из-за шторы и поковылял в туалет. Там я устался на себя в зеркало. У меня был разбит нос, но, по счастью, не сломан, и под глазом красовался очень сочный фингал. Нижняя губа тоже была разбита, и на ней было несколько аккуратных швов. Я взглянул на свои руки и увидел ободранные костяшки. Рука ныла, но вряд ли была сломана. Скорее всего, кость только треснула.

Я вышел в коридор и натолкнулся на врача. Он схватил меня за здоровую руку.

– Вы привезли парня с пулевым ранением? – на ломаном английском спросил он.

– Да! – кивнул я, – что с ним?

– Спит. Потерял много крови, но органы целы.

– Можно к нему?

Врач отвел меня в общую палату, где лежало еще несколько мужчин, а на дальней койке спал Хорхе. У него, как и у меня, был разноцветный синяк под глазом, и разбита бровь, но выглядел он вполне достойно. Я сел рядом с ним на табуретку. Он почувствовал мое присутствие, поморщился и открыл глаза.

– О, привет, – слабо сказал он, – выглядишь... мужественно.

– А ты – хреново. Мы с тобой два самых тупых и самых везучих придурка на планете.

– Но мы хотя бы живы, – улыбнулся он, – а где девчонка?

– Не знаю, я отключился.

– Ладно, надеюсь, она тоже жива... надо маме позвонить, чтобы не волновалась.

Я хотел было подать ему телефон, но, похоже, кто-то меня опередил, потому что в палату ворвалась сеньора Гарсиа. Она бросилась к нам и обняла своего сына. Она что-то лепетала со скоростью восемьсот слов в секунду, и ее лицо было залито слезами, но она все равно улыбалась! Расцеловав Хорхе во все здоровые места, она обратила свое внимание на меня и стала целовать меня. Из потока слов, обрушенного на меня, я выделил только слова «спасибо» и «ангел».

Когда она снова переключилась на сына, я заметил в дверях палаты девушку. Она смотрела на нас огромными глазами, боясь подойти, и я улыбнулся ей и кивнул. Она приблизилась, и я увидел, что ей было лет восемнадцать, и что она была очень, очень, очень-очень красива! Ее кожа навевала мысли обо всем самом чудесном и сладком: какао, молочном шоколаде, кофе с молоком. У нее были густые и блестящие черные волосы, волнами спускающиеся на плечи, полные губы и темные теплые глаза.

– Спасибо, – сказала она по-английски, а потом обняла меня.

– Не за что, – ответил я, с трудом заставив себя оторвать взгляд от ее лица, и кивнул в сторону Хорхе.

Девушка перевела взгляд на парня и стала благодарить его по-испански. Они разговаривали, и Хорхе улыбался и качал головой. Девушка рассказала сеньоре Гарсия, что случилось, и женщина гладила сына по голове, ну, и мне доставалось.

Это была какая-то нереальная ночь. Хорхе уговорил маму отправиться домой, и девушка, которую звали Эллина, поехала с ней, а я остался в больнице и провел ночь на свободной койке рядом с другом. Но утром Хорхе уболтал докторов отпустить его. Ему сменили повязку, и уже в девять утра мы стояли у центрального выхода, и я поддерживал его, как и прошлой ночью.

Вопреки здравому смыслу, мы отправились не домой, а в ресторанчик. Сеньора Гарсия стояла за прилавком, а помогала ей, кто бы вы думали? Эллина! Она бросилась нам навстречу и крепко обняла обоих, заставив поморщиться от боли, но мы не оттолкнули ее. Она усадила нас за столик и принесла завтрак, состоящий из тортилий и кофе, а потом села рядом с нами.

Она довольно бегло говорила по-английски, хоть и хуже, чем Хорхе и с сильным акцентом, но я понимал ее, а это было главное. Выяснилось, что она, как и мы, оказалась в том районе просто по стечению обстоятельств, и это чуть не окончилось катастрофой.

– Мне так жаль, – сказала она, глядя на Хорхе, – если бы не я, ты бы не пострадал...

– Технически, это моя вина, – возразил я, – если бы я не захотел посмотреть на пирамиды, мы бы не возвращались в тот вечер в город, машина бы не сломалась, нам бы не пришлось ехать на автобусах, и мы бы не забрели в тот район. Так что это я должен извиняться.

– Ты совсем дурак? – весело поинтересовался Хорхе, – если бы не все это, кто знает, что бы те подонки сделали с Эллиной? А так мы все живы! Подумаешь, чуть-чуть крови потратил. Так у меня ее пять литров, не жалко!

Девушка ласково улыбнулась и коснулась его руки. Ага. Ну, что ж, раз так... может, оно и правда того стоило!

– И вообще, – вдруг продолжил Хорхе, – ты мне жизнь там спас, если что.

– Это когда такое было?

– Не прикидывайся. Было. Мама теперь тебя считает воплощением моего ангела-хранителя, брат, ты попал по-крупному. Мы оба мечтаем тебе чем-нибудь отплатить. Есть идеи?

Хорхе и Эллина внимательно смотрели на меня, а потом к ним присоединилась и сеньора Гарсия. Теперь на меня смотрели три пары темных глаз, и я чувствовал себя последним идиотом, честное слово. Ангел-хранитель? Я? Я вас умоляю! Но переубедить их было невозможно. Я сразу подумал о Джой. Вот уж кто на самом деле ангел-хранитель! Она бы лучше справилась, чем я. Мне же нужно было еще учиться и учиться!

– Э... новые очки?

В общем, было решено, что Рождество я должен был провести в доме Гарсия, какие бы планы у меня ни были. В канун Рождества мы отправились на праздничную мессу, и с нами пошла Эллина. Кажется, с того случая, они с Хорхе не отпускали рук друг друга, и это было очень трогательно. Они подходили друг другу.

Когда мы приблизились к церкви, я заметил, что она вся – вся! – украшена разноцветными лампочками. Она светилась, как маяк в ночи, и этот свет манил даже таких, как я, кто, вообще-то, не веровал. Внутри тоже было нарядно и многолюдно. Туда стеклись люди со всего

района, старые и молодые, все надели свою лучшую одежду и с сияющими глазами и улыбками слушали проповедь и смотрели на священника у алтаря. Кое-что я понимал. Да, пусть я не верил, но мне всегда нравилась история Иисуса. Я имею в виду, что он был яркой личностью, харизматичной личностью, раз сумел создать такую религию, которая господствовала в западном мире уже больше двух тысяч лет. Ну и, конечно, он проповедовал хорошие, правильные вещи. Любовь к ближнему, сострадание, понимание и все в том же духе. Я не верил, что он был сыном божьим, это как-то не вписывалось в мою схему мира, но он определенно был хорошим человеком. Этого мне вполне хватало, чтобы уважать его.

После службы мы отправились домой, где сеньора Гарсия и Хорхе приготовили праздничный ужин. Эллина распевала гимны, прыгая по гостиной с бокалом искристого вина в руке, и при этом как-то умудряясь не переколотить все тарелки и стаканы, которые она ставила на стол. Она поставила только четыре прибора, из чего я сделал вывод, что братья Хорхе не придут на семейный праздник. Но сеньора Гарсия была удивительно спокойна по этому поводу. Она философски заявила, что для нее важнее всего счастье ее мальчиков, и если им для этого не нужно возвращаться домой, что ж, так тому и быть. В конце концов, у всех уже давно есть телефоны.

Телефоны! Я хлопнул себя по лбу, одновременно холодея. Я совсем забыл позвонить родителям! Я вывел свою «трубку» из авиарежима и с надеждой повернулся к Хорхе.

– Э... слушай, а есть шанс, что тут где-то поблизости есть место с бесплатным вай-фаем?

– Ты думаешь, я что, в землянке живу? – оскорбился парень, – так, диктую пароль!

Я с облегчением заметил, что родители были в сети, несмотря на столь ранний час в Берлине, и позвонил им. На экране появились их радостные лица.

– Нет, ну вы посмотрите, кто проявился! – усмехнулся отец, – прямо рождественское чудо!

– Простите-простите-простите!

– А что у тебя с глазом?! – сразу забеспокоилась мама.

Я принялся рассказывать им о том, что со мной случилось за последнее время. Скрывать что-то от родителей было бесполезно и ненужно. Во-первых, тайное всегда становилось явным. Рано или поздно. И поэтому я предпочитал рассказать все сам, чтобы избавиться от лишних упреков. А во-вторых, ну и что они мне могли бы сделать? Они находились за десять часов от меня, в другом полушарии. Они бы что, велели мне возвращаться домой? Смешно! У папы, конечно, длинные руки, но не настолько же!

Я побежал с телефоном на кухню и познакомил их со своей временной приемной семьей, и когда все достаточное количество раз пожелали друг другу счастливого Рождества, отключился. В кухне завопил таймер духовки, возвещая о готовности угощения – традиционных тамале, атолле, бурито и прочих мексиканских лакомств. Хорхе объяснил, что индейку в Мексике тоже едят, но чаще те, кто может ее себе позволить. И не то что бы они не могли, но индейку я и в своей Европе поем, а вот настоящую мексиканскую кухню можно отведать только в Мексике. Не мог не согласиться! А еще на столе стоял огромный кувшин с понче – фруктовым пуншем и игристое вино, которое на поверку оказалось сидром.

И только мы собрались поднять первый тост, как дверь дома распахнулась, и в прихожую ввалились два молодых человека. Они увидели нас и заулыбались точно такими же улыбками, как Хорхе и его мама. Сомнений быть не могло – это были старшие сыновья сеньоры Гарсия. На столе мгновенно появились недостающие приборы, и праздник стихийно продолжился.

Ближе к полуночи Хорхе притащил огромное глиняное блюдо с анисовым печеньем, политым каким-то сиропом. Мы вышли на улицу и увидели, что соседи сделали то же самое. Мы ели печеньки, обменивались ими и поздравляли друг друга с праздником, а когда лакомство исчезло с тарелки, Хорхе со всего маху расколотил ее об землю. Увидев мое замешательство, Эллина объяснила, что это делают на счастье.

А потом сеньора Гарсия загнала нас всех спать. Она не разрешила Эллине вернуться в ее пустую комнату в общежитии, где она должна была встречать Рождество в одиночестве, и мы все кое-как разместились в небольшом домике. Но это был чудесный праздник!

На утро Хорхе растолкал меня. У него горел глаз, и он поволок меня смотреть подарки. Оказалось, что под искусственной елкой лежал подарок и для меня.

– Хорхе, я... мне нечего вам всем подарить... я даже не думал, что...

– Марко, ты заткнешься, а? – дружелюбно заявил парень.

Я сорвал яркую обертку и обнаружил внутри... новые очки-хамелеоны! А еще маленькую пиньяту с конфетами.

Мы провели день вместе. Братья Хорхе рассказывали о своих делах в Штатах, а мы делились новостями Мехико. Выяснилось, что старший из братьев наконец-то собрался жениться, чем вызвал бурю в стакане, и сеньора Гарсия потребовала привезти к ней невесту, и как можно скорее. Я улыбался, глядя на эту семейную сцену, и мне подумалось, а как бы отреагировали мои родители, скажи я им, что собрался жениться? Ну нет, не сейчас, в будущем? Мама бы обрадовалась. У меня вообще складывалось впечатление, что они оба спали и видели, как бы меня куда-нибудь пристроить, хотя я лет с тринадцати только и делал, что проявлял самостоятельность. Но родители есть родители.

Я улучил момент и ускользнул в тихое местечко, прихватив атлас. Как бы хорошо ни было в этом гостеприимном доме, мне пора было отсюда уходить. Я провел пальцем по Панамскому перешейку, выбирая следующий пункт назначения. Как бы привлекательно ни выглядели все эти маленькие индейские страны, мне не улыбалось встречать новый год в одной из них. По необъяснимой причине мне хотелось шумного и безудержного веселья. Даже не смотря на трещину в руке.

Хотя, возможно, это было вполне закономерно. Последние несколько лет я встречал новый год довольно тихо, иногда в одиночестве. Меня звали на вечеринки, но я в последний момент отказывался. Я даже себе самому не мог это объяснить. Просто во мне что-то щелкало, и я вдруг понимал, что не готов идти и веселиться. Берлин – это один гигантский ночной клуб. Не найти тусовку в Берлине, да еще и в Новый год – это сумасшествие. Для этого нужно жить под камнем, в прямом смысле. Достаточно выйти на улицу и постоять минуты три со скучающей физиономией, и тебя в охапку сгребет какая-нибудь компания, и все, еще через пять минут ты будешь уже, пьян в стельку, танцевать на стойке в каком-нибудь сомнительного вида подвальном баре. Но я не был к этому готов.

А вот в этот год, ага, был! Только пока не очень представлял, где можно было найти такой драйв. Но выручил Хорхе. Он подкрался ко мне сзади и повис на плечах.

– Я так и знал, я знал, что ты собрался валить. Я тебя не держу, я все понимаю. Но послушай совет: Рио. Твой пункт назначения – Рио-де-Жанейро. Там будет такая движуха на Новый год, что земля содрогнется!

– Рио? Мысль отличная, но туда добираться – это самоубийство. Ни на чем, кроме самолета, не получится. Я себе представляю, сколько это будет стоить...

Улыбка Хорхе вдруг стала еще шире, и он заговорщически мне подмигнул, обнял за плечи и хлопнул ладонью мне по груди.

– Брат, ты когда-нибудь перестанешь недооценивать Хорхе Гарсия? Если бы я не знал, как доставить тебя из Мехико в Рио, я бы не предлагал.

У меня отпала челюсть. Я кое-как соскреб ее с пола и уставился на повара. Он пожал плечами и указал подбородком на дверь. Я последовал за ним, и, преодолев расстояние, сопоставимое с половиной Европы, мы оказались на аэродроме. Хорхе кому-то позвонил, и через пять минут перед нами стоял молодой человек в сером комбинезоне. У него были веселые темно-карие глаза и коротко постриженные черные волосы, а кожа была темнее, чем у моего мексиканского друга. Видимо, он был отчасти африканцем.

– Марко, позволь мне представить тебе моего старинного друга, Карлоса. Карлос пилот почтового самолета. Завтра он вылетает по маршруту Мехико – Гватемала – Богота – Бразилия... Рио-де-Жанейро. И знаешь, кто летит с ним?

Во мне кипел котел эмоций. Радость, нетерпение, но вместе с тем страх. Я планировал не только предпринять самый сумасшедший полет в жизни – мне еще и предстояло сделать это незаконно! Потому что я не видел, как можно было бы меня зафрахтовать как рождественскую пиньяту, честное слово. Боюсь, что таможенники непременно заметили бы, что груз как-то странно дышал и моргал. Я поделился опасениями с парнями. Карлос только махнул рукой и посоветовал мне не задумываться о таких «мелочах», как пересечение границы. Однако встретить новый год где-нибудь в тюрьме Гватемалы мне хотелось чуть меньше, чем вплавь пересечь Ледовитый океан. И именно в этот момент мне вспомнилась Джой. Я почему-то ни секунды не сомневался, что она бы согласилась на это предложение, не задумываясь. Она бы уже сидела в самолете, подпрыгивая от нетерпенья.

Хорхе и Карлос переглянулись, почувствовав, что я дал слабину, а потом запихнули меня в фото-кабинку, и через две минуты стали счастливыми обладателями моей самой плохой фотографии на документы в жизни.

В общем, так и получилось, что на следующий день все семейство Гарсиа и Элина собрались проводить меня в мое неадекватное путешествие. Сеньора Гарсиа снабдила меня едой на ближайшие три месяца и несколько раз перекрестила, пообещав еще сильнее молиться за меня. Это было нерационально и невероятно мило, трогательно до слез. Я обнял ее и поблагодарил за все, что она сделала для меня. Ее старшие дети тоже попрощались со мной на пороге дома, а вот Хорхе и Элина поехали со мной на аэродром.

Карлос встретил нас у входа, забрал у меня рюкзак и протянул мне такой же, как у него, комбинезон и какие-то бумаги. Я с изумлением уставился на свое фото в документе, который говорил о том, что я – Джон Смит, бортмеханик, сопровождаю такой-то груз по такому-то маршруту. И вот карточка, удостоверяющая мою несформировавшуюся личность.

Пришла пора прощаться с моими мексиканскими друзьями. Я обнял Элину, и она расцеловала меня, снова и снова благодаря за свое спасение.

– Не за что, любой бы поступил так же, Элина.

– Нет, не любой.

Потом настала очередь Хорхе. Он тоже обнял меня и похлопал по спине.

– Приезжай еще, брат! Ты всегда желанный гость в Мехико. Знай, «ми каса эс су каса», компрендэ?

– Спасибо! Берлин тоже ждет тебя в любой момент.

Он вытянул из-под футболки крестик, снял и протянул мне.

– Вот, пусть защищает тебя.

Я закрыл его ладонь и улыбнулся.

– Нет, он защищает тебя. А меня пусть защищает осознание того, что с тобой все в порядке.

– Тогда я тоже буду за тебя молиться, – весело сказал мексиканец.

Когда мы наконец расстались, Карлос провел меня к самолету. Это была небольшая и выдавшая виды птичка, гудящая в предвкушении предстоящего путешествия. Карлос любовно похлопал ее по пузатому боку.

– А долетим? – с сомнением спросил я, – путь-то неблизкий...

– Пффф! Легко! Ей этот маршрут – как за хлебом сходить!

У меня почему-то появилось навязчивое желание перекрестить самолет. А заодно помыть его святой водой и увешать оберегами. На всякий случай. Я даже не стал спрашивать, застрахован ли он.

Мы залезли в кабину, и мой пилот кивнул мне, чтобы я пристегнул ремни. Я даже не удивился, увидев, что к приборной панели был приклеен целый иконостас. Мексика мне все больше нравилась.

Двигатели прочихались и размеренно зажужжали. Карлос надел наушники и стал вести переговоры по радио с центром полетов. Потом он надел очки-авиаторы, одарил меня лучезарной улыбкой и поднял вверх большой палец. Я ответил ему тем же. Мы неспешно вырулили на взлетную полосу, где состоялся еще один диалог и командным центром, закончившийся традиционным «суэртэ» – пожеланием удачи, и самолет взял разгон. Я вцепился в ручку кресла (единственную, потому что, видимо, вторую оторвал какой-нибудь другой нелегальный пассажир). Но как только шасси оторвалось от земли, на меня снизошло удивительное спокойствие.

Карлос безмятежно насвистывал. Казалось, что еще чуть-чуть, и он опустил бы стекло и высунул бы туда локоть, как будто бы он вел не самолет, а пикап по пыльным мексиканским дорогам. Я же посмотрел в окно. Под нами проплывало Мексиканское нагорье, красновато-охристое, как загорелая кожа, покрытая синяками городов. Мы летели не очень высоко, не так, как летают лайнеры, поэтому я мог рассматривать пейзаж в мельчайших деталях. Карлос не пытался вовлечь меня в непринужденную беседу, понимая, что толку от этого было бы чуть, учитывая, что я пребывал в состоянии, граничащим с шоковым.

До Гватемалы нам предстояло лететь около трех часов. Лайнеры летали быстрее, но наша колибри не могла угнаться за этими большими птицами, да и Карлос никуда не спешил. А у меня вообще было впереди четыре дня. Мой бесстрашный пилот пообещал мне, я буду в Рио к вечеру двадцать девятого. Ну, в крайнем случае, утром тридцатого. Меня такой расклад более, чем устраивал, поэтому я постарался расслабиться и получить удовольствие от полета.

Под самолетом проплывали величественные горы, практически щекоча его брюхо своими тонушими в дымке пиками. Я видел кофейные плантации и пирамиды майя, и мое сердце бешено колотилось от осознания того, что я видел такие пейзажи, какие доводилось видеть единицам. Меня переполняла благодарность и, поскольку я не верил в богов, я благодарил тех людей, которые сделали этот полет реальностью. Всех-всех.

Мы приземлились в порту Гватемалы и подрулили к самому дальнему ангару. Там я помог Карлосу выгрузить полагавшийся груз, у нас проверили документы, а потом мы выпили отвратительный кофе из автомата в комнате отдыха. Пилот хлопнул меня по плечу и весело сообщил, что нам пора отправляться дальше.

И снова, перекрестив самолет, мы забрались в кабину, выкатились на взлетку и рванули в безоблачное синее небо.

– Окей, следующая остановка: Богота, Колумбия, – весело сообщил Карлос, включая маленький допотопный магнитофон, больше похожий на вырванную из какого-то автомобиля магнитола.

Кабину наполнила веселая латиноамериканская музыка и чудесный голос самой известной колумбийской певицы. Карлос как-то умудрялся танцевать, не вставая с кресла. А я продолжал смотреть в окно, наблюдая, как под нами сменялись страны: Гондурас, Никарагуа, потом кусок Мексиканского залива, Панама... создавалось такое впечатление, что наш самолетик был приклеен к небу, а под нами в каком-то неправильном направлении вращалась планета.

Время от времени у меня по телу бежали мурашки от осознания нереальности происшедшего. Я перелистал свой блокнот с набросками и принялся рисовать портрет моего пилота, наш самолетик, горы, облака... но как можно было объять необъятное? Я впитывал все это порами кожи, прекрасно понимая, что никогда и никак не смог бы рассказать обо всем кому бы то ни было. Как только бы я облек эти впечатления в слова, они поблекли бы, потускнели, словно после стирки. Поэтому я просто прижался лбом к стеклу и по-идиотски улыбался.

Еще через четыре часа мы приземлились в Эльдorado – аэропорту Боготы. Карлоса здесь встретили, как родного. Оказалось, что так, собственно, и было, потому что на таможне работал его родной дядя – дядя Мигель. Поэтому я вскоре узнал, что нам предстояло провести вечер в компании его, его жены и троих детей, что вызвало очередную белозубую улыбку у Карлоса и легкое замешательство у меня, которое, впрочем, быстро сменилось радостью и некоторой покорностью судьбе.

Мигель, однако, жил не в Боготе, а в небольшом городке Москера, пригороде столицы, до которого от порта было рукой подать, и к ужину мы уже добрались до дома, где нас встретила тетя Карлоса и его два двоюродных брата и сестра. Дети, от восьми до шестнадцати, повисли на мне, как груши на яблоне, хотя по-английски что-то понимал только старший сын, что совершенно не помешало им втянуть меня в свои игры, не обращая никакого внимания на упреки их мамы.

Вечер прошел отлично. Нас вкусно и сытно накормили, потом мы устроились спать на раскладном диване в гостиной.

– Тебя не смущает спать со мной в одной постели?

– Нет.

Диван оказался широким, как аэродром, на нем уместился бы десяток таких, как Карлос, да и мы оба вымотались так, что вырубались через восемь секунд после того, как пожелали друг другу спокойной ночи.

Утром я принял душ, потом нас накормили завтраком, и Мигель доставил нас в порт. Мы простились с ним, снова забрались в летающую посудину и попрощались с землей.

– Держись, амиго, это будет долгий перелет – почти десять часов.

Ну, я так и прикидывал. Внебрачный сын магнитофона и коробки передач снова выдавал задорную солнечную музыку, впереди было пронзительно-голубое небо до самого горизонта, а под самолетом – экваториальные леса Бразилии. В какой-то момент я отключился, пригревшись на солнышке, немилосердно нагревавшем нашу птаху. Проснулся я от того, что Карлос сжал мое плечо.

– Что случилось? – забеспокоился я, но он покачал головой, улыбаясь.

– В окно посмотри.

И я посмотрел. Под нами извивалась жирной буро-зеленой змеей самая загадочная и самая удивительная река Земли. Она была шириной с целое море! Бескрайнее водное пространство, на котором кое-где виднелись пятнышки судов. Я даже прослезился. Нет, никакие рисунки и фотографии, которые я всю дорогу щелкал на свой телефон, не смогли бы передать эту красоту и величественность, уж что и говорить о словах.

Сумерки плавно перетекли в ночь, подсвечиваемую только красными лучами умирающего заката по правому борту. Мы еще утром пересекли экватор, и я понял, что впервые в жизни покинул такое привычное и родное северное полушарие. А это означало, что я за свое путешествие умудрился-таки побывать во всех четырех полушариях нашей чудесной, удивительной, прекрасной сине-зеленой планеты.

Вот о чем я думал, глядя в темноту и звездное небо за стеклом иллюминатора. Во всех языках, где существовали артикли, вроде немецкого, английского или французского, к слову «Земля» прилагался определенный артикль. Одна. Единственная в своем роде. Неповторимая. В такие моменты я особенно проникался к ней любовью. Да и как можно было не любить ее, такую невероятно красивую, такую волшебную, такую почти нереальную? Потому что каков был шанс, что кучка космической пыли образовала крутящийся шарик именно той массы и именно на таком расстоянии от Солнца, чтобы на нем появилась атмосфера, океаны, в которых зародилась жизнь, а потом, потом...

Я вдруг увидел светящееся пятно под нами.

– Бразилиа, – весело заметил Карлос, – долетели-таки, хвала Иисусу!

Самолет пошел на посадку, и через пятнадцать минут мы уже рулили по бетонным дорогам аэропорта к ангару. Здесь нас уже не ждали никакие родственники, но все опять прошло гладко, и нас отвели в комнату отдыха пилотов, где стояли двухэтажные кровати, как в хостелах, и мы, не раздеваясь, повалились на них.

– Эй, Карлос? – позвал я, снимая очки и зацепляя их душкой за сетку верхней койки.

– Амиго?

– Спасибо, что показал мне все это.

– Не за что!

– Нет, ты не понимаешь...

Но я не знал, что еще добавить, да и не нужно было никаких слов. Мерный шум порта унес нас обоих в страну снов, и даже во сне я продолжал парить над облаками в свете Луны и звезд.

Проснулся я от того, что в комнату кто-то вошел. Это был молодой – вроде – мужчина в форме пилота какой-то местной авиакомпании. Он с видимым усилием ослабил галстук и снял фуражку. Заметив, что я смотрел на него, он послал мне понимающую усталую улыбку и скрылся за дверью ванной комнаты.

Я нашупал телефон и очки. Было начало шестого, и за окном серели утренние сумерки. Я не знал точно, во сколько у Карлоса запланирован вылет, но он обещал, что я попаду в Рио утром, поэтому вряд ли мы должны были вылететь вечером.

Как только я все это подумал, у моего пилота на телефоне заорал будильник. Карлос выругался по-испански и перекатился на другой бок, лицом ко мне.

– Буэна маньяна, – пробормотал он, сваливаясь с кровати, но я рефлекторно подался вперед и придержал его голову, – а, грасиас, спасибо. Так, вылет через час.

– Ладно.

Из ванной вышел летчик, и Карлос подал ему руку. Я не был уверен, что они когда-либо встречались, но это была обычная солидарность профессионалов, даже если это был пилот гражданской авиации, а Карлос водил почтовую пташку.

Когда все было готово к вылету, мы с моим летчиком стояли в фойе, пили кофе и слушали прогноз погоды на португальском. Я не понимал ни слова, но Карлос, видимо, понимал, потому что хмурился с каждой последующей фразой.

– Похоже, будет гроза, – сообщил он, – но мы успеем проскочить до ее начала, я в этом почти уверен.

– А мне вот не нравится слово «почти», оно никогда не сулит ничего хорошего.

– Расслабься, амиго, даже если мы попадем в эпицентр грозы, мы не упадем. Скорее всего, в наш самолет просто попадет молния, и он испарится быстрее, чем ты успеешь сказать «тортилья».

– А, ну тогда не о чем волноваться!

Действительно.

И вот еще кое-что о самолетах. Я любил самолеты, очень. Хотя, казалось бы, как можно любить путешествовать на них, если все, что видно из иллюминатора – это бескрайнее белое поле облаков и синее небо? Но и за это я тоже любил полеты! А еще я считал самолеты самым безопасным видом транспорта. Да, они падали, конечно же, но редко, штуки три в год, редко больше. Но все так паниковали, потому что падение самолета всегда вызывало огромный резонанс в прессе и среди обывателей. Потому что он (самолет) большой, и сразу гибло много народу. Да и процент выживших стремился к нулю. Меня это не впечатляло. Потому что в автомобильных авариях каждый день в мире гибло больше народу, чем в год в авиакатастрофах! Поэтому я доверял самолетам и не совсем понимал людей, которые боялись летать. Или тех, кто в турбулентность начинал молиться и сжимал ручку кресла до белых костяшек. Во-первых, турбулентность не могла причинить вред самолету, он бы от нее не упал. И вообще, нужно

очень сильно постараться, чтобы разбить самолет. А во-вторых, даже если самолет начал бы падать, что бы ты мог сделать? Так чего паниковать, если от тебя уже ничего не зависит? Лучше расслабиться и позвонить любимым, попрощаться, пока у тебя есть эти секунды. Наверняка, многие из тех, кто боялись летать, в глубине души тоже знали все эти вещи, но страх – это скорее рефлекс, он очень редко связан с сознанием, и поэтому люди всегда боялись и еще будут бояться летать. Я и сам знал, с чисто физической точки зрения, как летают самолеты, но все равно, каждый раз, когда эти гигантские тяжеленные металлические птицы отрывались от земли, испытывал что-то на подобии благоговения, потому что физика и магия, в моем мире, были сестринскими науками.

Мы забрались в кабину, и самолет выкатился на взлетную полосу. Нас ждал финальный перелет нашего маршрута. Карлос поговорил с диспетчерами, получил разрешение на взлет, проверил все системы, а потом подмигнул мне и включил магнитола. Концерт продолжился с того момента, на котором закончился днем раньше, и самолетик, взяв разгон, устремился в приветливо-голубое небо, свою родную стихию.

– Два часа, – Карлос поднял два пальца, – ты даже заскучать не успеешь. Уже скоро будешь валяться на белоснежном песочке и любоваться горячими бразильскими красотками!

– Звучит неплохо! – весело ответил я, а сам подумал о Дэни и о том, где она потерялась.

Мы пролетали над уже изрядно поредевшими лесами, над ниточками дорог и пауками городов, и меня в который раз накрыло чувство нереальности происходящего. Ну, а как вообще можно было поверить в то, что происходило? Меньше двух дней назад я был в Мехико и не представлял, как попасть в Рио-де-Жанейро, да и не был уверен, что именно туда лежал мой путь, а в тот момент я летел над Бразильским нагорьем с фальшивыми документами, нарушая при этом законы полудюжины стран. Я, Марко «Хороший Мальчик» Берг. Марко «Я-не-воровал-яблоки-у-соседей» Берг. Марко... а, черт с ним, смысл и так ясен.

– Смотри, амиго, – Карлос толкнул меня в бок и кивком головы указал, куда именно я должен был смотреть.

Мы начали снижение, и я увидел раскинувшийся на берегу Южной Атлантики мегаполис, с его роскошными пляжами, его дорогими отелями, его трущобами и нищетой, его разнообразием. А над ним парил, расправив руки, каменный Иисус, потрясающий воображение и таинственный символ не только города, но и всей страны. Потому что все мы, слыша название «Бразилия», представляли себе, в первую очередь, Амазонку, затем Рио, а потом, да, Иисуса.

Так что через два часа наш самолет, как и было обещано, слегка подпрыгивая, сел в Сантос-Дюмоне, маленьком аэропорту к западу от города. Закончив все необходимые дела, мы вышли из дверей порта и попали напрямик в духовку. Нет, это была не духовка – в духовке, по крайней мере, сухо. А мы оказались в бане, во влажной парилке, и кожа мгновенно покрылась не просто капельками, а непрерывным слоем липкого пота, и даже дышать было трудно. Плюс, если в Мехико было плюс миллион, то здесь было плюс миллиард! Я чуть было не забыл, что в южном полушарии был разгар лета!

Карлос со злорадной ухмылкой наблюдал за моими мучениями сквозь зеркальные стекла своих «авиаторов».

– Что, плохо, да, амиго? Ничего, сейчас пойдешь на пляж, у океана-то полегче будет.

– Уверен?

– Поверь мне, я тут торчу больше, чем в Мехико.

Мы сели на автобус и поехали в сторону города.

– Завтра я уже должен лететь обратно, – рассказывал летчик, – обычно я остаюсь здесь неделю-другую, но сейчас праздники, и мне хочется провести их с друзьями, так что я рвану напрямик в Сити. Какие-то пятнадцать часов, и я дома! Придется бросить тебя, амиго, извини.

– Все отлично, Карлос, ты даже не представляешь себе, как я тебе благодарен!

– Жаль, что я не могу с тобой выпить, – рассмеялся он, – а то ты бы проставлялся!

– Но я могу угостить тебя ужином, как смотришь на это?

– Не откажусь.

Мы выбрались из автобуса на станции, и пилот уверенно повел меня по улицам шумного города. Я вертел головой, пытаясь увидеть все и сразу. Однако вскоре мы остановились перед жилым многоквартирным домом и поднялись на восьмой этаж. Карлос вытащил ключи и отпер дверь. Мы оказались в небольшой тесной комнатухе с одним окном, узкой койкой у стены, крохотной кухонькой и туалетом-душом, потому что я по-другому не мог назвать это место.

– Добро пожаловать! Эту комнату моя компания снимает для пилотов, которые на нее работают. Ну, в данном случае, для меня, потому что это полностью мой маршрут. Это мой дом вдали от дома. Теперь это будет твой дом.

– Что? – не понял я.

– Сегодня ночуем здесь вместе, а, когда я улечу, она полностью в твоём распоряжении. Будешь уезжать – брось ключ в почтовый ящик. Даже если его найдут – переть отсюда нечего, даже кровать привинчена к полу.

– Черт, Карлос! Ты что, издеваешься?! Я с тобой вообще никогда не расплачусь такими темпами!

Он рассмеялся.

– Друзья моих друзей – мои друзья! – сказал он по-испански, и это я прекрасно понял.

Побросав вещи и взяв мою торбу, мы снова вышли в субэкваториальную жару. Я обливался потом даже в шортах и майке! Карлос тоже предусмотрительно переоделся, но он-то был привычен к этому «чудесному» климату, а я страдал и не мог дождаться, когда мы окажемся на побережье.

И полчаса спустя, мои мольбы были услышаны, и мы, чудом перейдя живыми проспект Атлантика, ступили на золотистый песок гигантского пляжа, такого длинного и широкого, что он терялся где-то за горизонтом. Я таких пляжей в жизни не видел, даже Сан-Диего нервно курил в коридоре, по сравнению с этим зрелищем! И весь – весь! – пляж был забит народом. То есть, буквально весь. Каждый квадратный миллиметр. А еще я не понимал, откуда орала музыка, потому что создавалось впечатление, что она звучала с неба. Я бы не удивился, если бы узнал, что в стацию Христа вмонтированы гигантские динамики. Вполне в бразильском духе!

Я снял кроссовки и зашел по щиколотку в воду. Так, в Тихом океане я уже помочил ноги, теперь вот в Атлантике. Еще для галочки нужен был Индийский, а вот от Северного Ледовитого я, пожалуй, отказался бы, спасибо большое. К существованию Южного океана я так и не привык.

Мы шли вдоль кромки воды, глядя на людей, игравших в волейбол, танцевавших прямо на песке, а еще на пальмы и голубое летнее небо. Тот факт, что в Бразилии праздновали Новый год летом, несколько взрывал сознание. Карлос вытряхнул меня из раздумий и потащил за собой, потому что какие-то ребята позвали нас играть с ними в футбол. Вообще, я довольно посредственный футболист, а, тем более, как можно было соревноваться с бразильцами? Если скандинавы рождались с лыжами на ногах, то бразильцы – в обнимку с футбольным мячом. Но все равно, было весело, а главное – не больно падать.

Рядом с этими темнокожими красивыми людьми я чувствовал себя, как зефир в шоколаде. А мне-то казалось, что за время своих скитаний я загорел, но нет! Жарили когда-нибудь зефир на костре? Ага, вот так все и получилось. Толку-то. Но они воодушевляющее хлопали меня по спине и улыбались, и я, кажется, стал звездой инстаграма, потому что они все фотографировались со мной. Но они были добрыми и гостеприимными, и ближе к вечеру, когда открылись бары, потащили нас с Карлосом с собой, пить и веселиться, и танцевать. Как истинный представитель Центральной Европы, я танцевал, как Пиноккио, но там была девушка, Мария, которая танцевала так, что, даже если бы я был деревом, она все равно смогла бы меня научить.

Среди ночи мы вывалились на улицу. Девчонки и парни по очереди повисли на мне и взяли с меня слово, что Новый год мы должны были отмечать вместе. Я не сопротивлялся ни секунды, потому что, во-первых, я именно этого и хотел, а во-вторых, вы когда-нибудь пробовали противостоять катку или бронепоезду?

Я не помнил, как мы с Карлосом оказались дома, но спал я как убитый, и мне так и не удалось угостить моего пилота обещанным ужином. Зато я встал пораньше, растолкал летчика, который, к слову, не выпил за предыдущий вечер ни грамма алкоголя, и повел его в ближайший открытый ресторанчик завтракать.

– Ты действительно полетишь сейчас в Мехико?

– Конечно, а что тут лететь-то?

– Ну, вообще-то, пятнадцать часов на твоём летающем пылесосе, не в обиду будет сказано, это дальний путь!

– К самому веселью уже буду дома, амиго, не бойся. Я ж не в первый раз, я такие фокусы проделывал уже сто раз!

Мы расстались на автобусной остановке, и Карлос заставил меня пообещать, что, если я вдруг буду в Америке (от Мексики до Бразилии), то обязательно дам ему знать, потому что он и его пташка всегда в моем распоряжении.

Он уехал, а я остался один посреди Рио, лета и тридцать первого декабря.

Впрочем, я недолго оставался один. Как только я показался на пляже, меня нашли Рико и Мария, а за ними подтянулась и все остальная компания. То, что никто из них не говорил на хоть сколько-нибудь приличном английском, совершенно не меняло дела. Мы снова играли в футбол, а потом они решили затащить меня в море. Я показал на шину на руке, которая, конечно, снималась, но была хорошей отговоркой. Впрочем, это не помогло, потому что один из парней учился на медика и знал, что к чему. В общем, я-таки оказался в воде. И не пожалел. Теплые и ласковые волны мягко покачивали меня, рядом шумно плескались веселые люди, щебеча на столь непохожем и родном испанскому языку, а я снова думал о Колумбе, Кортесе и все честной компании.

Я даже не заметил, что наступил вечер. Но вдруг нас накрыло темнотой, и в этой наступившей темноте зажглись миллионы разноцветных лампочек, которыми были украшены деревья, дома, провода, столбы – все, что только можно! Загорелись огни на огромных пушистых елках, зазвучала веселая музыка, и все центральные улицы заполнили люди. Но больше всего народу, конечно, было на пляже. Я огляделся и понял, что все были одеты в белое, и порадовался, что с утра надел белую майку и светлые шорты. У Марии на голове был венок из белых цветов, и она сняла его и раздала всем по цветку. Рико кое-как объяснил мне, что надо было делать. Мы подошли к воде, и он выдал нам по маленькому деревянному плоту и свечке. Это был ритуал, посвященный богине Иманже. Мы отсчитали последние секунды года, и, когда в небо взметнулись сотни зарядов красочного фейерверка, зажгли свечи, поставили их на плоты и положили рядом белые цветы, а потом пустили эту светящуюся флотилию в океан. И так же сделали все, кто окружал нас. Океан стал зеркальным отражением звездного неба. Невероятная красота этого зрелища могла вызвать скупую слезу даже у самого циничного из людей, что уж говорить обо мне? Я, как-никак, безнадежный романтик. Ну, ладно, романтик-агностик, но все равно безнадежный. И еще я загадал желание, логичное и единственно правильное в этой истории. И надеялся, что Иманже или кто там еще, выполнит его.

Мы танцевали всю ночь. К нам подходили какие-то совершенно не знакомые люди, обнимали и целовали нас, поздравляли с Новым годом и желали удачи. Боа Сорте! И вам того же.

Утро нового года застало нас сидящими на берегу океана. Мы смотрели, как новорожденное солнце медленно и величественно поднималось из густо-синих вод Атлантики, и я почувствовал себя очень счастливым. И пожалел, что со мной рядом не было ни Дэни, ни Джой. А еще я подумал о Фэй. Я даже не мог представить, как эту ночь провела она. Наверняка одна.

Наверняка печально. Может, я совершил ошибку, оставив ее там, в Сиэтле, городе дождей и кофеен? Может, надо было взять ее с собой в это сумасшедшее путешествие? Но тогда было уже поздно что-то менять.

Я закрыл лицо руками и откинулся на песок. И вдруг почувствовал, что кто-то взял меня за запястья и потащил наверх. Это были мои улыбчивые друзья. Они подняли меня на ноги, включили музыку и заставили танцевать с ними, хотя никто из нас уже толком не стоял на ногах. Но они это делали, потому что хотели помочь, но не знали как. Начиная с того, что они не понимали ни один из моих языков, а я не знал их, и единственным понятным нам всем был язык прикосновений, улыбок и объятий, и им они владели в совершенстве.

Я провел в Рио еще два утомительных, но веселых дня. А потом задумался, как мне предстояло выбираться оттуда. Конечно, Южная Америка – дело хорошее, но мне хотелось вернуться в более понятные и знакомые места. В Европу, например. Но для этого мне нужно было по диагонали пересечь Атлантический океан, что само по себе было уже непросто, да еще и стоило, как алмаз Шах. И вряд ли Карлос помог бы мне в этом, да и при всем уважении к его самолету, я бы не рискнул предпринимать такое путешествие на этой машине.

Гуляя по порту, я видел красивые круизные лайнеры, огромные и белоснежные, но это были суда для очень богатых людей, а я к таковым не относился. Да, у меня была карта со всеми сбережениями, но я не хотел пользоваться ею, пока случай не был экстренным. Да, я застрял на другом конце света от дома, без единой перспективы выбраться оттуда, довольно неприятная ситуация. Но не более!

А потом меня посетила гениальная мысль. Я добрался до Рио на почтовом самолете. Почему бы не выбраться оттуда на торговом судне? Воодушевленный, я пошел искать какую-нибудь трансатлантическую торговую компанию, и нашел одну американскую, базировавшуюся в Майми. Ближайший корабль был зафрахтован именно в этом направлении. Я нашел их офис в большом здании в порту и предстал пред светлы очи сотрудницы в бухгалтерии. Подробно объяснив ей ситуацию, я опустился на стул напротив ее стола и улыбнулся. Она долго меня рассматривала, то под одним углом, то под другим.

– Какое у тебя гражданство?

– Немецкое и американское, двойное, – я вытащил паспорта и положил перед ней.

Она раскрыла мои документы, что-то внимательно в них изучила, а потом сняла трубку и позвонила кому-то.

– Рональд? Рональд, тебе еще нужны люди на «Морскую звездочку»? Тут парнишка один пришел, говорит, очень нужна эта работа. Не, приличный, в очках. Ладно, сейчас пришлю.

Положив трубку, она улыбнулась мне.

– Пойдешь сейчас к капитану. Тебе надо на третий причал..., – и она на листе бумаги нарисовала мне план и написала имя капитана.

Я от души поблагодарил ее и извинился за вторжение. В конце концов, она была бухгалтером, а не агентом по найму, и то, что она сразу меня не выгнала, было большим новогодним чудом.

Пробежав по пирсу, я нашел нужный причал и зашел в контору. Там никого не оказалось, и я позвал капитана:

– Капитан Диллан? Сэр?

Из соседней комнаты вышел высокий мужчина с кружкой кофе и уставился на меня, сведя брови. Он выглядел... как почти настоящий капитан. У него были положенные седые борода и усы, на вид ему было лет пятьдесят пять. На нем была синяя рубашка с закатанными рукавами, брюки такого же цвета и такая же кепка. И он носил очки.

– О, – сказал он, окинув меня оценивающим взглядом, – очкарик. Это тебе работа нужна?

– Да, сэр, Марко Берг, к Вашим услугам, сэр!

Он усмехнулся, хлопнул меня по плечу и велел следовать за ним. Мы прошли еще чуть дальше по пирсу, и он указал мне куда-то в море. Там стоял гигантский контейнеровоз, и на него шла погрузка. Судно называлось «Морская звездочка – 314». «Звездочка». Не «Звезда», нет! В этот момент я задумался, а как бы выглядела ее мамаша?

– Вон моя девочка, – гордо заявил капитан Диллан, – контейнеровоз Е-класса. Знаешь, что это значит? – спросил он, и я мотнул головой, – «Исследователь».

– Это... потрясающе!

– Еще бы.

– Но почему такое название?

– А! – он рассмеялся, – ее так моя внучка назвала, а номер уж какой присвоили. Ее ребята ласково называют «Пи».

Триста четырнадцать. Три целых четырнадцать сотых. Число пи. Ну, конечно.

– Так, отплытие по готовности, думаю, часа через три, не опаздывай.

– Что? Постойте, Вы меня берете?

– А почему бы нет? Или тебя что-то смущает?

Я оглядел капитана и улыбнулся.

– Знаете, капитан, я все жду, что сейчас Вам на плечо сядет попугай и заорет: «Пиастры!»

Он положил руку мне плечо и сжал сзади шею.

– А ты проверь, вдруг так и будет? А теперь, живо за вещами, матрос!

Я кинулся в сторону города и поймал первое попавшееся такси, чтобы добраться до квартиры Карлоса. Мне не верилось, что все так удачно сложилось. Мне предстояло провести восемь дней в открытом море, и сердце стучало, как сумасшедшее. Я ведь впервые в море вышел на Аляске, но там это были проливы и заливы, в видимости берега, почти всегда, а здесь... мы должны были идти по Атлантике, через Мексиканский залив, напрямик во Флориду, без остановок.

На столе я оставил записку для Карлоса, в которой благодарил его за все, что он сделал для меня, и просил его обращаться ко мне, если ему понадобится помощь. Я бросил ключ в почтовый ящик и покинул этот гостеприимный дом.

Оказавшись в порту, я нашел нужное судно и капитана Диллана, который выдал мне какие-то бумаги.

– Это твой контракт. Подпиши здесь и здесь, вот здесь еще, и получи форму.

Я пробежал контракт глазами и с удивлением обнаружил, что они собирались заплатить мне. Впрочем, это было неплохо, учитывая мое довольно плачевное финансовое положение, а из Майами тоже нужно было как-то выбираться.

Переодевшись, я отправился на судно. Вблизи оно оказалось еще больше. Это был целый плавучий город, а вместо домов в нем были огромные контейнеры, отмеченные белыми цифрами. На верхней палубе меня встретил старпом и, сверившись со списком, велел спуститься в каюту номер восемьдесят три. Это было не так-то легко! Я заблудился в лабиринте ходов и переборок, отсеков и лестниц. В итоге на меня налетел кто-то из старших матросов и, увидев мое отчаяние, пожалел меня и провел к моей каюте. Открыв дверь, я почти нос к носу столкнулся с мужчиной лет тридцати с коротко стриженными светлыми волосами и татуировкой в виде якоря с цветами на правой руке. Он кивнул.

– Здорово! – он протянул мне руку, и я пожал ее, – Люк Эйкорт, а ты новый юнга?

– Э... вероятно? Марко Берг. Юнга?

– А кто ж! Ты у нас самый младший. Ну, идем.

Мы вышли из каюты и по паутине лестниц поднялись на палубу. Вскоре там собралась вся команда, и с мостика спустился капитан Диллан.

– Ну, что, мои морские волки, готовы к очередному плаванию?

Все дружно закричали «Да!», а я к своему удивлению обнаружил, что в команде было две женщины. Все мои коллеги были старше меня, и, при этом, Люк был самым младшим. Видимо, поэтому меня поселили с ним в одной каюте. Капитан сказал еще несколько слов, а потом велел всем заниматься своими делами.

– И, надеюсь, не встретимся с пиратами Карибского моря, – усмехнулся он, – Эйкорт!

– Здесь, сэр!

– Берг поступает под твое начало, покажешь ему, что к чему.

– Есть, кэп!

«Пи» протяжно загудела, давая сигнал к отплытию, и я с удивлением и восторгом наблюдал, как это гигантское судно, лавируя, вышло из порта и легло на нужный курс.

Хорошо, я достаточно разобрался в физике, чтобы понимать, как летают самолеты и плавают суда. Простите, ходят, плавают багаж пассажиров, а суда ходят. Так вот, с физической точки зрения, я понимал это. Но мозг все равно сопротивлялся. Это судно ведь было таким здоровенными и тяжелым! Но, в то же время, когда я представлял, что под килем у нас – десятки (а то и сотни) метров воды, тяжелой, густой, темной воды, которая, если рассердится, может швырнуть наше судно, как щепку, спина покрывалась холодным потом.

Через несколько часов мы отошли достаточно далеко в море, чтобы берег потерялся в дымке на горизонте, и нас окружал бескрайний океан. Люк позвал меня, и мы поднялись в радиорубку рядом с капитанским мостиком. Там нас встретил мистер Лайонс, радиоинженер. Он был одного возраста с капитаном, у него были короткие седые волосы, усы и эспаньолка, и он подробно объяснил мои обязанности, потому что мне предстояло нести ночную вахту с ним и Люком.

– Но не расстраивайся, Марко, ты увидишь такое, что не пожалеешь. А сейчас выйди на мостик.

Я последовал его совету и отправился к капитану. Тот стоял у штурвала, и я приветствовал его, приложив руку ко лбу. Мои глаза полезли на лоб, потому что на плече у него сидела... сова! Маленькая такая, но самая настоящая сова. Кэп улыбнулся.

– Нет, она не разговаривает, но мышей ловит исправно. Познакомься, это Клюква, тринадцатый член экипажа.

Клюква уставилась на меня огромными блестящими черными глазами, ухнула и свернула набок голову. Капитан кивнул в сторону окна.

– Ты туда лучше посмотри.

Я последовал его совету и охнул. По левому борту всеми оттенками красного разгорался закат, и горячее январское солнце низких широт опускалось в спокойное море. Я еще тогда подумал, поверил бы мне кто-нибудь, если бы я решил рассказать о том, как провел первые дни нового года? Наверное, Джой бы поверила точно. Ей бы это очень понравилось!

В наступившей темноте наше судно рассекало волны, оставляя за собой вспененный белый след. Люк стоял на мостике за штурвалом и смотрел вперед, насвистывая какую-то мелодию. Мистер Лайонс, надев огромные наушники, подкручивал ручки на приборной панели в рубке. Я спустился на палубу, чтобы проверить груз. Обходя с фонарем бесконечные контейнеры, я поднял глаза к небу и замер. Надо мной пролитым молоком, бриллиантовой дорогой протянулся Млечный путь. Здесь, в открытом море, вдалеке от всех фонарей и лампочек цивилизации, каждая звезда была размером с яблоко. Такие звезды видели Магеллан, Кук, Кабот, Веспуччи... ну, в общем, те, великие капитаны прошлого. И я представил, что нахожусь не на современном сухогрузе, а на фрегате пятнадцатого века, который на всех парусах несея на поиски новых земель и богатств. Корабль типа «Исследователь».

Когда я заканчивал обход и уже шел к мостику, мне на плечо с шелестом опустилась Клюква и вцепилась коготками в кожу. Видимо, она тоже завершила осмотр своих владений на предмет недостаточно шустрого ужина, и была довольна результатом.

За неделю, что я провел на «Пи», я познакомился и подружился с ее небольшой, но веселой командой. Она состояла из капитана, его одиннадцати подчиненных (включая меня) и одной совы. Те две женщины, которых я заметил в первый день, оказались такими же заправскими моряками, как и мужчины. Одна из них, улыбочивая сорокалетняя мать двоих детей из Луизианы, была судовым поваром, и я два раза дежурил с ней на кухне и забавлял ее рассказами о своих приключениях. Вторая же была, как и мистер Лайонс, радиотехником, и поэтому с ней я тоже успел пару раз побыть на вахте. Остальные члены экипажа были тертыми морскими волками, добродушными и сильными людьми, и я вспомнил Боба и Алиги, и всех тех рыбаков, с которыми успел познакомиться в Кетчикане. Я выучил все морские термины, перестал теряться в запутанных тоннелях судна, безошибочно определял борта, понял, что такое «морской узел» и «галс», научился определять курс по звездам и секстанту. Я не был уверен, что это когда-нибудь еще мне пригодится в жизни, но это было так интересно, что я с радостью забивал себе голову новой информацией.

И вот однажды на рассвете, когда прозвучал сигнал к подъему дневной вахты, наше судно издало такой же протяжный вой, как при отплытии, что означало, что мы были в виду порта назначения. Началась суматоха и беготня, лоцман занялся бумагами, накладными и контрактами, а капитан невозмутимо вел контейнеровоз к пристани.

Через два часа я сошел на берег и не мог поверить, что оказался во Флориде. Все, что произошло со мной за последнее время, встало поперек моего сознания, словно рыбная кость в горле, которую нельзя ни вытащить, ни слотнуть. Это был какой-то сюр, что-то книжное, что-то, что не происходило с обычными ребятами, вроде меня. И, тем не менее, я был в Майами, хотя даже не надеялся на это.

Люк сгреб меня в охапку, и вместе со всей командой мы отправились в офис компании, прямиком в бухгалтерию. Там мне выдали чек с зарплатой, и я обрадовался, что у меня появились деньги на то, чтобы перебраться обратно в Европу. Я подошел к капитану Диллану отдал ему честь.

– Это было огромным удовольствием работать под Вашим началом, сэръ!

– Взаимно, Марко. Если вдруг тебе понадобится попасть из Майами в Рио или куда еще в Латинской Америке, ты знаешь, где найти меня и мою «Звездочку».

Мы пожали друг другу руки, я сердечно попрощался с командой, а потом вышел на оживленную портовую дорогу. Последний раз я полюбовался «Морской звездочкой» с расстояния и направился в исторический центр города.

Здесь было так же влажно, как в Рио-де-Жанейро, но, к счастью, не так жарко. Вдоль Майами Бич тоже росли высокие корабельные пальмы, если пальмы вообще могли быть корабельными. Здесь все было как в кино, как с открытки в сувенирном магазине.

Я вышел на пляж и лег на горячий песок. Время только перевалило за полдень, а я только причалил к американскому побережью, и поэтому чувствовал себя наполовину испанским конкистадором, наполовину плимутским пилигримом, но земля подо мной по-прежнему вздымалась и опускалась в такт набегавшим на берег волнам.

Так или иначе, мне надо было выбираться оттуда. Да, я не мог сказать, что изъездил всю Америку – это было невозможно сделать за такой короткий промежуток времени! Некоторые исследователи положили жизнь на то, чтобы изучить сотую часть этой части света, и не все успели сделать. Но, вытащив атлас и проследив свой путь на большой карте Америки, я был поражен тем, какие расстояния я покрыл за свое путешествие!

Я нашел забегаловку с интернетом, взял что-то перекусить и начал выяснять, как можно было попасть из Майами в Европу. Оказалось, что все рейсы летели через Нью-Йорк, поэтому я решил особенно не напрягаться, а прилететь сначала именно туда, а уже там решить, куда двигаться дальше. Самый дешевый рейс, с пересадкой в Шарлотте, был на следующий день утром, так что у меня было время на то, чтобы побродить по городу и отдохнуть.

Похоже, в этом месте праздники стихийно продолжались, несмотря на то, что большинство людей вышли на работу уже почти неделю назад. Но на пальмах все еще горели огоньки, а из всех динамиков всех ресторанов и кафе звучали веселые рождественские песни, в основном в исполнении Синатры. Было, как минимум, странно слышать о том, что за окном была пугающая погода, но камин горел так чудесно, и, раз уж нам все равно никуда не надо было идти, пусть бы снег шел и шел. Снег. В тропическом климате.

Я сидел с кружкой кофе на террасе такого кафе и смотрел на проходивших мимо людей, и в моей голове назойливо звучал голос Джона Сильвера, который так и хотел всех презрительно назвать «сухопутными крысами», и я, как мог, пытался сдерживать смех. Тоже мне, морской волк! Но, глядя на размеренно шелестевшее море, я понимал, что буду скучать по морской жизни.

Обналичив в отделении банка чек, я отправился напрямиком в порт, планируя провести там ночь, а заодно покараулить выгодные билеты на выбранный рейс. Девушка за стойкой авиакомпании жизнерадостно улыбнулась мне и дала несколько дельных советов, как сделать мой перелет еще дешевле. В итоге, я купил свой билет, а потом, зарегистрировавшись, уселся на пол в радужном коридоре аэропорта и раскрыл книжку. Мне предстояло провести в порту всю ночь, и я очень надеялся, что меня не погонит охрана. Впрочем, билет у меня был, так что этим можно было худо-бедно оправдать мое здесь пребывание.

В какой-то момент я отключился, но в районе восьми утра проснулся от того, что об меня запнулся кто-то из спешивших на свой рейс пассажиров, что было весьма кстати. Избавившись от рюкзака, я направился в магазинчик за завтраком, а потом расположился у нужного выхода.

Перелет, включая пересадку, занял у меня пять часов, которые пролетели незаметно. Что такое были эти пять часов, когда я два дня болтался в воздухе над Латинской Америкой на кофемолке с крыльями? Аэропорт имени Кеннеди встретил меня довольно приветливо, если не считать того, что за бортом было минус шесть. Учитывая погодные условия, я не рискнул выбираться в город и сразу пошел изучать табло вылетов. И больше всего мне понравился рейс одной из восточных авиакомпаний по маршруту Нью-Йорк – Лондон.

О, да, Лондон! Как мне хотелось попасть в этот город, и как удачно сложилось, что через каких-то пять часов туда вылетал самолет со свободными местами, как мне услужливо сообщил сайт компании. Я подбежал к стойке авиакомпании и перекинулся парой слов с представителем. Билет был дорогим, и мне пришлось отдать почти все деньги, которые у меня были на тот момент. Но, во-первых, у меня особенно не было выбора, а во-вторых, он мне и не был нужен – я твердо решил, что полечу в Соединенное Королевство, чего бы мне это ни стоило.

Поскольку сидеть я больше не мог, а мне еще предстоял семичасовой перелет, я отправился бродить по аэропорту. Такое бесцельное времяпрепровождение всегда заставляло меня много думать. То есть да, больше, чем обычно. Вдоволь найдяшись, я обосновался на полу у стены и вытащил атлас, а вместе с ним и конверт, в который я складывал всякие бумажки, которые должны были стать воспоминаниями. За последнее время туда добавились мое фальшивое удостоверение мексиканского производства и вполне законный контракт с «Морской звездочки». И то, что эти два документа лежали рядышком и относились ко мне, вызывало у меня одновременно волну неконтролируемого смеха и холодный пот. Было просто поразительно, что меня не загребли в полицию в первые же пятнадцать секунд всей этой аферы. Я все ждал, когда это произойдет, но этого не случилось, и я не мог объяснить свое везенье ничем. Интересно, какой лимит удачи выдавался каждому человеку при рождении? Потому что мне было немного страшно от того, что ждало меня дальше. Вдруг я уже израсходовал свой запас везенья, и мне уже ничто не сможет помочь? Тогда я подумал о Джой. Как она... как ей это удавалось? Ведь она испытывала судьбу каждую секунду своего существования, и ей как-то удавалось проскальзывать между каплями дождя. Как?! Может, карма? Может, за все хорошее, что она делала людям, ей давали дополнительное везенье?

Спустя положенное время, я зашел на борт большого авиалайнера, сел в кресло, где мне предстояло провести семь часов ночного перелета, и с радостным предвкушением услышал, как капитан корабля (воздушного на этот раз) объявил предстоящий маршрут.

Мигая проблесковыми огнями на широких крыльях, наш самолет выкатился на взлетную полосу, набрал скорость и оторвался от земли, устремившись в темное ночное небо над Нью-Йорком, изрядно присыпанным снегом. Я удовлетворенно вздохнул и закрыл глаза. Мне было жизненно необходимо, чтобы эти семь часов пролетели как можно быстрее.

Хитроу поразил меня своими размерами. Нет, все аэропорты крупных городов большие, но здесь я почувствовал себя муравьем в ангаре. Стальной блестящий потолок, оплетенный сетью коммуникаций, терялся где-то в недостижимой вышине. Я нервно сглотнул, выдохнул и отправился на поиски метро.

Лондон всегда притягивал меня к себе, но за всю свою жизнь я так и не удосужился здесь побывать. Знаю, немцы и англичане ни разу не были во всем согласны, но мне все равно нравились английская история, культура, традиции, не говоря уж о литературе и музыке. Особенно музыке. Название «Лондон» звучало для меня как песни «Битлз» и «Роллинг Стоунз», как голос Дэвида Боуи, как гитарные рифы Мэтью Бэллами. Мне казалось, что я знал эту музыку с рождения. Моя мама, пока была беременна мною, слушала «Битлов» больше, чем Моцарта и Шопена вместе взятых.

Да и сам город. Как можно учить язык, совершенно упуская при этом страноведение? Абсурд. Поэтому я виртуально прожил в Лондоне не один чудесный год. И поэтому у меня было двойное чувство к этому городу. С одной стороны, я так много знал о нем, с таким нетерпением жаждал попасть туда, а с другой боялся, что могу разочароваться, что на картинках он такой прекрасный и удивительный, а вдруг он в реальности окажется не таким?

Я ехал в подземке и тупо улыбался, глядя на знаменитые фирменные знаки с названиями станций. Несмотря на свою внешнюю мудреность, лондонское метро было довольно удобное и простое, поэтому я достаточно быстро сориентировался, и примерно через час обнаружил себя в Вестминстере.

Я вылез на улицу и практически лбом уперся в Биг Бен, четкими контурами вырисовывавшийся на фоне пасмурного неба. Я не смог сдержать счастливую улыбку. Наконец-то, в кой-то веки я приехал в этот удивительный город. Я ждал приключения, более того, я абсолютно точно знал, что они тоже меня ждали.

Единственным, что, пожалуй, несколько омрачало мое безоблачное настроение, был тот факт, что на мне была рубашка и толстовка. В Лондоне. В январе. При трех градусах тепла. И морозящем дожде. Не то что бы я очень мерз, но вообще был бы не против накинуть еще что-нибудь! А куртка моя осталась где-то в Мехико-Сити. Впрочем, грех было жаловаться, учитывая, что меня согревало само осознание себя в этой конкретной точке пространства.

Я поглубже засунул руки в карманы и пошел в сторону Трафальгарской площади. Мимо в непривычную сторону проезжали двухэтажные красные автобусы, у Королевских конюшен несли караул конные гвардейцы, а чуть дальше по улице высилась колонна адмирала Нельсона, а за ней – купол Национальной галереи, куда я и решил отправиться, чтобы согреться, внимательно изучить карту и прикинуть свой маршрут.

Удобно расположившись прямо на полу в светлом круглом зале под куполом, я думал, как построить день и чем заняться. Денег у меня почти не осталось, поэтому я мог позволить себе только бесплатные развлечения, о чем не жалел ни капли. Этот город сам был музеем под открытым небом, что могло быть лучше? Поэтому, побродив по галерее и посмотрев на самые знаменитые ее шедевры, я пошел по Стрэнду на восток, в сторону Тауэрского моста. Дождь на время прекратился, жизнь постепенно налаживалась, хотя было по-прежнему холодно и промозгло. Ужасно хотелось чаю или кофе, но я решил потерпеть как можно дольше, чтобы избежать лишних трат. Поэтому я шел и улыбался всему, что видел: характерным серо-

бурым домам, красным будкам, людям, автобусам. В плеере, само собой, играл британский рок. А что, были какие-то варианты?

Я залюбовался величественным зданием собора Святого Павла, одного из самых красивых храмов, которые я видел, дошел до Монумента – колонны, установленной в честь большого лондонского пожара, а потом спустился на набережную и на другой стороне Темзы увидел самый высокий в Европе небоскреб – «Клык», как его называли местные жители, а еще ниже по течению – один из самых красивых в мире мостов. Зря я боялся. В жизни Тауэрский мост был еще красивее, чем на всех ста семнадцати тысячах его профессиональных и любительских снимков.

У меня вообще есть пунктик на счет мостов. Я очень их люблю, потому что они соединяют берега, страны и людей. Каждый раз, когда я назначал кому-нибудь встречу, я назначал ее на одном из мостов через Шпрее в Берлине. Наша речка маленькая, приток притока, и мосты через нее маленькие. Но теперь я повидал столько красивых конструкций! Чего только стоили Золотые ворота и Бэй в Сан-Франциско или Рио-Нитерой в Рио. И вот теперь, стоя на набережной, я любовался, наверное, самым знаменитым мостом в мире, и ничто не могло омрачить мой день.

Вселенная не приняла мой вызов, и до самого вечера я шатался по Лондону, упиваясь его красотой и атмосферой. Я шел то по одному берегу Темзы, то по другому, переходя ее туда-сюда по каждому первому мосту. Если бы кто-нибудь решил проследить мой путь, меня, вероятно, упекли бы в сумасшедший дом или обвинили в заговоре, по обстоятельствам.

Стемнело, конечно, рано, а к ночи стало еще холоднее, и я начал искать место, где можно было бы согреться, поесть, а при лучшем стечении обстоятельств, и переночевать, потому что ноги у меня уже отваливались. Я зашел в чудесный паб на одной из улочек Кенсингтона и протиснулся сквозь толпу к стойке. Один из барменов, крупный мужчина лет сорока с седеющей бородой, лысый, как бильярдный шар, и покрытый ковром татуировок кивнул мне, как бы спрашивая, что мне налить.

– Вам случайно не нужна помощь по хозяйству? Я могу делать все, если разрешите переночевать у Вас в подсобке или где-нибудь..., – прямо и без предыстории выложил я.

Мужчина смерил меня взглядом, потом поставил передо мной шот, наполнил его до краев виски и снова кивнул. Я неуверенно взял рюмку и поднес к губам. Он кивнул в третий раз, и я залпом выпил. По окоченевшему телу сразу разлилось тепло. Я вернул рюмку на стойку и прохрипел:

– Спасибо...

Бармен снова наполнил ее и пододвинул ко мне, и я снова выпил. После третьей рюмки я почувствовал, что начинаю пьянеть, потому что ничего не ел весь день. Видимо, он тоже это заметил, потому что он вышел из-за стойки и кивнул, чтобы я следовал за ним. У меня уже начало складываться впечатление, что он немой.

Когда мы оказались в помещении за залом, где располагалась маленькая кухня, он показал мне на небольшой заваленный всяким нужным хламом стол и придвинутый к нему стул.

– Ну-ка сядь, – велел он.

Я сбросил рюмку и выпрямился, разминая затекшие плечи. Он ушел на кухню, но через пару минут вернулся с тарелкой традиционной жареной рыбы с картошкой.

– Для начала, – сказал он, – поешь, а потом будешь мыть посуду и полы на кухне.

Я был счастлив до неприличия.

– Спасибо! Огромное спасибо! А... разве не надо согласовать с начальством или...

– А я и есть начальство, – он пожал плечами и протянул мне руку, – Ринго.

– Ринго? Как Ринго Старр?

– Точно. Вообще-то Ричард. Но, сам понимаешь, как все сложилось дальше.

Я усмехнулся. Действительно, это был хозяин паба, потому что назывался он «У Ринго».

– Марко, – представился я, – и, да, как Марко Поло.

– Немец?

– Так заметно?

– Ты белобрысый и голубоглазый, значит, с севера, но не под два метра, значит, не скандинав. Из вариантов – немец.

– Англия – страна Шерлоков Холмсов. Извини, я не очень хорошо сейчас соображаю... в крови слишком много алкоголя и слишком мало сахара.

– Ешь. Потом поговорим.

Он скрылся за дверью, ведущей в зал, оставив меня один на один с тарелкой еды и мыслями. Похоже, мои приключения начинались. Но я не мог в тот момент думать об этом – я был слишком счастлив от осознания, что я был в одном из самых чудесных городов земли и мне тепло, и вкусно, и была крыша над головой, и вообще, все отлично.

Доев, я с грязной тарелкой наперевес отправился на кухню, где поступил в полное и безраздельное распоряжение к Мартину, шеф-повару заведения. Он выдал мне фартук и обозначил фронт работ. Еще часа три я занимался мытьем посуды и уборкой всех возможных подсобных помещений. В районе двух часов, когда паб закрывался, Ринго зашел на кухню и кивнул мне. Мы поднялись на второй этаж, где были жилые помещения. Он открыл дверь и втолкнул меня в небольшую, но уютную квартиру. Сразу чувствовалось, что здесь долго и с удовольствием жили. В гостиной стоял диван, который так и манил к себе.

– Вот здесь можешь устроиться. Ванная дальше по коридору, – он оглядел меня еще раз с ног до головы, – не, парень, сегодня обойдемся без разговоров, ты на ногах не стоишь. Пока. Завтрак в девять.

С этими словами он вышел, а я пошел в ванную и минут десять стоял под очень горячим душем. Надо ли говорить, что спал я как убитый, даже не смотря на то, что в комнате было прохладно. Эти старые английские дома всегда были холодным внутри, круглый год, и плохо протапливались. Из-за того, что я устал и намерзся за день, у меня заныла поврежденная рука. Но я залез в свой спальник, укрылся одеялом и провалился в сон.

Около девяти я спустился в зал бара. За самым дальним столиком сидел Ринго в компании прехорошенькой девушки лет двадцати и завтракал яичницей с тостами и сосисками, запивая все это ароматным кофе. Девушка увидела меня и, вскочив, исчезла на кухне, а вернулась уже со второй порцией завтрака – для меня. Ринго кивнул мне. Я уже приспособился понимать его по этим кивкам!

– Доброе утро! – жизнерадостно сказала девушка.

У нее были короткие светлые волосы с красными и синими прядками, серые глаза и красиво очерченные губы, накрашенные красной помадой. На ней была черная футболка с портретами (а были варианты?) ливерпульской четверки, и я видел, что все ее левое плечо до локтя покрывали татуировки: птицы, розы, еще какие-то цветы.

– Это Скай, дочка моя, – мимоходом заметил Ринго.

Девушка лучезарно мне улыбнулась и пожала протянутую ей руку. Потом она взяла свою куртку и рюкзак.

– Я побежала, папочка, – сказала она, поцеловав отца в висок, – приятно было познакомиться, Марко!

Я кивнул, а она уже бежала к двери.

– Она у меня умная, в колледже учится. Ее мама умерла, когда Скай было двенадцать, и я не знал, что она решит, захочет ли учиться, нет, останется со мной, уедет... в любом случае, мы с женой всегда хотели, чтобы у нее был выбор, что делать с жизнью.

– Мне кажется, – сказал я, – она выбрала быть счастливой.

Ринго долго всматривался мне в лицо, а потом усмехнулся.

Мы разговаривали еще около часа. Я рассказал ему, каким ветром меня занесло в Лондон и почему я был так рад, что наконец-то здесь оказался. Он слушал меня внимательно, отвлекаясь только на то, чтобы наполнить наши кружки свежим кофе. Когда я выдохся, он понимающе кивнул.

– Да, таких, как ты, тянет в Лондон. Это не оскорбление, но Лондон – гавань всех психов Европы. Потому что дальше уже только Америка, а не у всех хватает духу перемахнуть через океан. Я живу здесь сорок четыре года и еще ни разу не подумывал о переезде. Скай любит путешествовать, но она тоже не видит себя ни в каком другом городе.

Я не знал, как сложится моя судьба в тот день, но больше не хотел бродить по городу с полной выкладкой, и Ринго разрешил оставить вещи в его квартире столько, сколько мне понадобится. В очередной раз я убедился, что самые суровые с виду люди обычно самые добрые. Я покидал в торбу нужные вещи, включая зубную щетку (потому что кто знает, где застигнет ночь?), взял саксофон и пошел гулять.

На этот раз я надел под рубашку еще и футболку. Ринго скептически окинул меня взглядом и предложил свою куртку, но я отказался – я и так уже явно злоупотреблял его гостеприимством. Да и день выдался теплее предыдущего. Ночь была пасмурная, и земля не успела сильно остыть, а потом сквозь серые сплошные тучи пыталось пробиться солнце, обеспечивая мягкий приглушенный свет.

Я решил посвятить день изучению северной стороны города и отправился в Камден. Это было потрясающе веселое и определенно сумасшедшее место. Здесь толпился весь неформальный народ города, плюс толпа не менее неформальных туристов со всех уголков света. После этого я добрался до Бэйкер-стрит – поглазеть на дом номер 221Б и на знаменитые музыкальные магазины, а потом решил, что следующей остановкой просто обязана была стать Эбби-роуд.

И вот я стоял около легендарного перекрестка и помогал стайке китайских школьниц сфотографироваться в стиле знаменитой обложки. Из-за забора выглядывало светлое здание студии, но я перешел на другую сторону улицы, устроился на скамейке и подсчитал наличность. В фунтах мой капитал был ничтожен – семь фунтов с мелочью. Этого не хватило бы... ну, вообще, в принципе, ни на что не хватило бы. Ну, может на сэндвич. Поэтому я расчехлил саксофон и приготовился дать очередной импровизированный концерт, который на этот раз должен был полностью состоять из вариаций на тему песен «Битлов». Вокруг меня постепенно стала образовываться толпа туристов, многие качали в такт головами, некоторые подпевали, монетки приятно ударялись о чехол.

В какой-то момент к группе туристов присоединилось четыре парня моего возраста, каждый из них держал по черному чехлу с инструментами. Они о чем-то перешептывались и кивали. Я сделал передышку, и когда туристы разошлись, высокий светловолосый парень с гитарой подошел ко мне.

– Ты. С нами, – сказал он, даже не подумав поздороваться или представиться.

– Э... что?

– Собирай барахло и иди за нами, – просто повторил он.

Я пожал плечами, сгреб выручку в торбу, затолкал сакс в чехол и действительно пошел за музыкантами. К моему удивлению они остановились у входа студии, позвонили, и калитка с характерным звуком открылась. Я оказался на территории студии звукозаписи, где писали свои шедевры и выступали самые гениальные музыканты. Наверное, у меня был сильно ошарашенный вид, потому что улыбчивый парень в кожаной куртке обхватил меня за плечи.

– Не дрейфь, идем!

Мы оказались внутри, и нас встретила девушка-режиссер, провела в комнату с высокими потолками и коврами на полу. Я оказался в святая святых. Ребята расчехлили инструменты и стали настраиваться. Парень, который позвал меня, решил все-таки просветить меня относительно своего плана.

– Умеешь импровизировать?

– Ну... да?

– Супер! Мы пишем акустику сегодня, для радио, играем семь песен, на двух будешь с нами, ладно? Мы – группа «Этой Стороной Вверх», слышал когда-нибудь?

– Нет...

– Ничего, – с этими словами он протянул мне свой смартфон и наушники, – вот сейчас и услышишь. Твои песни здесь первая и четвертая, а в сегодняшнем плей-листе – пятая и шестая. Слушай, пока строимся.

Я ошалело кивнул, сел в уголок и погрузился в музыку. Надо отдать должное, в записи они звучали очень даже неплохо. Это был такой сырой гитарный альтернативный рок, очень английский, очень правильный. Я несколько раз послушал нужные мне песни и прикинул, что могу с ними сделать, а потом заметил, что ребята настроились. Двое сидели с гитарами, один – за фортепиано, и еще один обложился всякими стучалками-гремелками.

– Можно начинать? – спросил лидер, и когда девушка кивнула, надел наушники и придвинулся поближе к микрофону, – привет, мы «Этой Стороной Вверх», и... вот.

Они начали играть. Где-то на второй минуте произошло рождение фаната, потому что мне их музыка в акустике нравилась еще больше, чем в студийном варианте. А еще было очень приятно видеть, что им самим ужасно нравилось играть, они жили, дышали музыкой, и это чувствовалось в каждой ноте.

Когда пришло время песни с партией саксофона, я выпрямился на стуле, нацепил наушники и в панике посмотрел на солиста.

– Вот, – протянул он, – а для следующей песни мы привели с собой друга.

Он подал мне знак говорить, и я проямлил:

– Э... привет, это Марко, я... у меня есть сакс.

Барабанщик делал над собой титанические усилия, чтобы не заржать, а потом ударами палочек отсчитал ритм, и они заиграли. Через несколько тактов я тоже вступил, сначала неуверенно, пробуя свои силы, но потом расхрабрился, перестал слишком задумываться, и просто позволил музыке идти сквозь тело, минуя мозг. Стало получаться в разы лучше. Так мы сыграли последние две песни и похлопали друг другу.

После сэта я помог им собраться, а потом мы вышли в сумерки. Холодный воздух приятно коснулся моего горевшего лица.

– Пойдем с нами, выпьем, – сказал пианист, – мы угощаем.

Я кивнул, и уже через десять минут мы впятером сидели в пабе за столиком в глубине зала, и перед нами стояла пара тарелок с сендвичами и по бокалу пива.

– За удачный сэт! – предложил тост гитарист, и мы выпили, – о, кстати, я Кит.

– Алекс, – кивнул пианист.

– Я Уилл, а это Рэд, – сказал солист-басист, кивая на барабанщика, – ну а ты, значит, Марко.

– Точно. И... что это было вообще?

Они засмеялись. Я был счастлив в тот момент, но каждый из них был в пятьсот раз счастливее, потому что это выступление на тот момент было вершиной их карьеры. Да, они играли в клубах, не очень больших, но зато при аншлагах, но Эбби-роуд – это совсем другое дело, это престиж, это означало признание. Теперь они были уже не просто кучкой детишек с гитарами и перевернутым ведром, нет, они официально пополнили собой список британских рок-групп.

– Откуда, кстати, ваше название взялось? – спросил я, когда передо мной поставили второй бокал пива.

– Ну, – пожал плечами Уилл, – знаешь, так обычно пишут на коробках с чем-то хрупким, и именно эти коробки всегда бросают и бьют содержимое. Просто до того, как мы по-настоящему стали группой, мы были поломаны, разбиты, но дружба и музыка нас типа склеили.

Потому и название такое, – он помолчал, – у каждого свои трещины, знаешь. У меня родители развелись, причем весь скандал протекал на глазах у меня и моей младшей сестренки.

– Я слепой на один глаз, и из-за этого мне пришлось оставить мечту стать летчиком, – сказал Рэд.

– Я пятнадцать лет жил в депрессии, винил себя в смерти родителей, мучил и себя, и всех, кто меня окружал, – спокойно произнес Алекс.

– А я, ну, я не мог понять свою сексуальность, и это доводило меня почти до истерик, – поморщился Кит.

– Ну, мне-то с твоей ориентацией все было ясно еще лет в четырнадцать, – усмехнулся Уилл.

– Мог бы и меня просветить!

– Люблю смотреть, как другие мучаются.

– Ой, да ладно!

Я улыбался, глядя на них. Это были настоящие друзья, давние и верные, проверенные временем и бедами, причем, не так, проблемами и печалью, а самыми настоящими катастрофами внутримирового масштаба. Они были выросшей версией тех самых поломанных подростков, с которыми я собирался работать в будущем.

Мне в жизни очень повезло. Мои родители любили друг друга и меня, я получил хорошее воспитание, отличное образование, и вообще, все у меня сложилось. И, наверное, именно поэтому меня тянуло к людям, у которых судьбы сложились не так гладко. Мне просто ужасно хотелось поделиться с ними частью своего внутреннего света, что ли... помочь им почувствовать себя любимыми, нужными, стоящими чего-то.

Мы еще выпили. Потом еще. Потом мы еще пили виски с колой, потом чистый виски, короче, из паба мы вышли уже капитально пьяными.

– Так, никто не забыл инструменты? – ответственно поинтересовался Кит, когда мы прошли полдороги до метро.

– Где ты живешь? – спросил Рэд, почти падая на меня.

– Регенсбургер-штрассе, 26Б, – запинаясь, ответил я.

– Это на востоке?

– Это в Берлине.

– А... нет, а в Лондоне? Мы ведь все еще в Лондоне, правда?

– Нигде?

– Неправильно, – авторитетно заявил Алекс, со второго раза сумевший все-таки приложить карточку к турникету, – ты живешь у меня!

Оказалось, что Алекс и Кит жили вместе на окраине города в большом доме, до которого надо было добираться с двумя пересадками. Обычно они пользовались машиной, но в тот день как чувствовали, что пойдут отмечать студийный концерт, поэтому предпочли тащиться на перекладных. Пока мы добирались, хмель немного выветрился, и я смотрел в темноту за окном пригородного поезда. Мимо проносились уже погрузившиеся в сон дома, огоньки фонарей, запоздавшие машины и прохожие.

Вывалившись из вагона на нужной станции, мы попали в лапы январской ночи. Шел легкий снег. Холод пробрал до костей, раньше я его не чувствовал, а в тот момент вдруг пришло осознание, что Англия – северная страна. Похоже, мое мнение разделяли все, поэтому, подхватив инструменты, мы потрусили в сторону видневшегося неподалеку моста через какую-то речку-переплюку, за которой и жили ребята.

Кит отпер дверь, и мы ввалились в темную прихожую. Кто-то нащупал выключатель, и в глаза ударил яркий свет. Мои очки мгновенно запотели из-за разницы температур. Мы скинули грязную мокрую обувь и переместились в кухню. Уилл со знанием дела залез в один из шкафов и со стуком опустил на стол бутылку водки.

– И... нет, – уверенно сказал я, мотая головой и думая о том, что это будет последним, что я выпью в своей жизни.

– Иначе заболеешь, – констатировал Уилл, разливая водку по кружкам.

– Ну, можно я хоть немного сока или чая налью туда? – взмолился я, но он наградил меня таким взглядом, что я посчитал лучшим закрыть рот и подчиниться.

Мы выпили, и в мой организм вернулось тепло. Вообще, водка – это самый честный продукт из всех, что я знаю. Она не прячется ни за цветом, ни за вкусом (потому что прозрачна и невероятно мерзкая), но очень хорошо и быстро выполняет свои прямые функции: согревает и пьянит.

Что было дальше, я уже никогда не узнаю. Но проснулся я на диване в какой-то большой комнате с фортепиано. Было уже светло, что, учитывая время года, говорило о том, что был довольно поздний час. Я нашупал очки и посмотрел на телефон – без четверти час. Но дом был на удивление тих, создавалось впечатление, что я проснулся первым. Удивительно, что у меня не было похмелья. Ну, нет, голова все-таки немного кружилась, но не болела, меня не тошнило. Я нашел свою щетку, добрался до двери и пошел на поиски ванной. Как ни странно, в доме, где жили два парня, было чисто и уютно. Я нашел чистое полотенце в шкафу и залез в душ, который почти совсем привел меня в чувства.

После плесканий я спустился в кухню. Там сидел Алекс с таким шухером на голове, какой я никогда в жизни не видел, и пил чай с молоком из прозрачной кружки. Он кивнул мне на чайник, а потом на стул напротив. Видимо, умение общаться исключительно кивками было отличительной чертой англичан. Я нашел свою кружку, налил чай и сел.

– Ты как? – начал было я, но Алекс поморщился и медленно покачал головой, прикладывая палец к губам.

Вдруг раздался какой-то грохот на лестнице, я резко обернулся, а Алекс сморщился еще сильнее, и перед нами появился Рэд с сияющей физиономией и трезвый, как стекло.

– Доброе утро! – радостно возвестил он.

– Я тебя прикончу, – пообещал Алекс, и это было не предположение, а констатация факта.

– И где вы найдете такого же крутого барабанщика?

Алекс застонал.

Постепенно на кухне собрались все, и Кит и Рэд занялись завтраком. Алекс постепенно отошел и ввязался в общую дискуссию о том, как провести выходной. Было воскресенье. В своих путешествиях я совершенно потерялся в днях недели и числах. Было роскошью не считать дни, пока была такая возможность, и я пользовался ею.

В итоге, в районе пяти часов Алекс снабдил меня своей старой зимней курткой, и мы отправились в Гринвич. Сначала ребята протащили меня по музею рока, а потом уже я поволок их к нулевому меридиану. Стоя на линии, разделяющей западное и восточное полушария, я думал о том, что дальше мои приключения поведут меня на Восток, а на Запад я вернусь уже только в самом их конце.

Откровенно говоря, у меня не было никакого плана. Я думал также садиться на первые попавшиеся рейсы, потому что пока мне везло. Единственное, чего я не мог упустить, так это возможность съездить в Эдинбург. Но сама мысль о том, что для этого пришлось бы покинуть Лондон, приводила меня в панику. Мне не хотелось уезжать, уж слишком чудесным был этот город.

Ближе к восьми Алекс взглянул на часы и сказал, что нам нужно возвращаться в город. Все согласились, и мы снова оказались в центре. Он привел нас в кофе, и две девчонки за прилавком заулыбались самыми приветливыми улыбками, увидев его во главе нашей стаи. Одна из них, с короткими темными волосами и серо-голубыми глазами, выбежала ему навстречу, и он обнял и поцеловал ее. Вторая подмигнула Рэду, когда он устроился у кофе-машины.

– А, тогда все понятно, – улыбнулся я.

– Это Дженни, моя сестра, – объяснил Уилл, – и Одри, наша подруга.

– А ты, ну, нормально относишься к тому, что твоя сестра встречается с твоим другом? Обычно как-то не очень такое приветствуют...

– Это глупо. Мне наоборот нравится. От него я хотя бы знаю, чего ждать, все его закидоны и всех тараканов. И я знаю, где он живет, если что.

Когда девочки сдали смену, мы отправились ужинать в какой-то тайский ресторанчик на задворках Вселенной. Помимо нас в нем сидела еще одна семья азиатов, а больше о его существовании, похоже, никто не знал. Мне пришлось еще раз пересказать некоторые моменты моего пути. Но больше всего вопросов вызвала, конечно, история Фэй. Только в тот момент я понял, что не рассказывал о ней парням из группы. На меня смотрело шесть пар серьезных и одновременно растерянных глаз.

– Наверное, вот это я зря, – пробормотал я.

Первой высказалась Одри:

– Италия. Южная Италия. Тоскана. Тепло, светло, море, вино и пицца. И ей надо бросать пить кофе. И ей станет лучше.

– Ты ж в кофейне работаешь! – ехидно вставил Рэд.

– Да, но кофе я почти не пью, если ты не заметил.

– Дело не в кофе, – сказал Уилл, – дело почти никогда не в кофе. Только вряд ли ей подойдет Европа. Слишком все... старое, что ли?

– Да, а Америка ее довела до самоубийства, – заметила Дженни.

– Но Америка, вообще-то, большая. Северная и Южная. Ладно, забыли про Северную, с ней все ясно. А Южная? Ты же был в Бразилии, может, ей в Бразилию? – спросил Кит.

– Я вообще считаю, что ей надо в Азию, – поморщился Рэд, – вот где у всех просветление наступает. Недаром буддисты такие спокойные. Вот туда ей надо, на восток!

Все замолчали и посмотрели на Алекса. Он был единственным, кто ничего не предложил.

– Она не сбежит от себя, – тихо сказал он, оглядывая нас, – ей сначала нужно в себе разобраться, а потом ехать куда-то. Иначе она свою боль провезет через весь мир, а толку чуть.

– Да, ты в чем-то прав, – сказала Дженни, взяв его за руку, – но здесь другой случай, не как у тебя, тут... ей нужно, чтобы хоть какой-то дождь закончился. Чтобы высушить одежду, надо хотя бы под крышу зайти.

Все задумались, а потом Алекс улыбнулся.

– Я все время забываю, что тебе сто восемнадцать лет.

Я вспомнил, что мои вещи по-прежнему лежали у Ринго. Ребята вызвались проводить меня, поэтому в паб мы ввалились всемером. За стойкой стоял давешний парень-бармен, а помогала ему Скай. Увидев меня, она заулыбалась и вышла в зал.

– Привет, Марко! А мы уже волноваться начали. Ты где был?

– Долгая история. А где Ринго? Я хотел забрать вещи и поблагодарить его и тебя за гостеприимство.

– А где же ты будешь жить?

– У друзей, – сказал я, кивнув на всю честную компанию за своей спиной.

Это было правдой. Алекс настоял, что я могу оставаться у него столько, сколько мне захочется. Я вообще понял, что этот дом на отшибе был чем-то вроде острова потерявшихся мальчишек (и девчонок), как в сказке о Питере Пене.

Мы подошли к ним, и я представил Скай своим новым друзьям, после чего все вместе переместились вглубь зала, нашли свободное местечко и продолжили. Скай вернулась за стойку, пообещав позже присоединиться, но Уилл не сводил с нее глаз все время, что мы там провели.

– Марко, я твой должник, – сказал он, – если бы не ты, я бы не встретил ее. Смотри, какая девушка! Она же... она же с пин-ап картинки сошла!

– Сомнительный комплемент, – приподняла бровь Одри.

– Нет, я не то имел в виду... как бы объяснить-то... у нее красота пятидесятых, она как винтажные машины: можно не интересоваться тачками вообще, но ты все равно восхищенно будешь вздыхать, глядя на «Кадиллак».

– Вообще, он прав, – поддакнул Кит.

– Вот и доказательство! – обрадовался Уилл.

– А я как-то водил «Кадиллак», – вставил я свои два цента.

Скай действительно присоединилась к нам позже и сразу очень органично влилась в компанию. Мне всегда нравилось знакомить людей, смотреть, как сталкиваются мои миры, и к чему это может привести. Обычно это приводило к чему-то хорошему и интересному. Это ведь правда, что от смешанных браков рождаются самые красивые дети, вот то же самое можно сказать и о компаниях, поэтому я всегда старался подружить всех своих друзей.

Около одиннадцати мы разошлись в разные стороны, зная, что встретились таким составом не в последний раз. Кит, Алекс и я отправились в Дом-на-реке.

Еще почти неделю я провел в Лондоне и окрестностях, и со мной почти всегда был кто-то из новых друзей. Мне нравилась компания этих веселых, умных, интересных ребят и девчонок. Они рассказывали мне свои истории, делились секретами, мыслями и переживаниями. Мне можно было рассказать все, потому что они понимали, что я уеду, а вместе со мной уедут и их слова. Я был бесплатным психоаналитиком. Новым супергероем Человеком-Ухо. Но мне нравилась эта моя супер-способность.

А потом я сказал, что мне пора двигаться дальше, и они поняли. Они скинулись и купили мне билет в Эдинбург, и все вместе пришли провожать меня на Чарринг Кросс. Мы стояли в зале вокзала и тупо улыбались друг другу.

– У нас для тебя подарок, – сказала Дженни.

– Еще один?! Вы и так мне билет купили! И вообще, я ваш должник до конца дней!

Рэд протянул мне стильный черный блокнот.

– Вот. Мы все в нем написали тебе пожелания и все такое. Почитаешь в поезде!

Я обнял их всех по очереди и прошел за турникеты, убеждая себя не оглядываться. Уже сидя в поезде я раскрыл блокнот, и на колени мне выпал диск в бумажном конверте. «Эббироуд» было написано на нем. Вот так мое имя оказалось вписано во всемирную музыкальную историю! Кто бы мог подумать...

Через четыре с половиной часа я сошел на центральном вокзале Эдинбурга и попал с заснеженную сказку. Был вечер, везде горели огни еще не снятых рождественских гирлянд, с неба падали крупные снежинки. Я немного постоял, оглядываясь по сторонам, а потом нашел карту и пошел по ней в заранее разведанный хостел.

Место это было замечательно тем, что оно было не только дешевым, но еще и приветствовало тех, кто мог поделиться талантом. Я устроил очередной импровизированный концерт для прохожих, чем заслужил уважение и скидку.

Как мне ни хотелось отправиться на поиски приключений в ту же секунду, я решил, что лучше было бы это сделать с утра, поэтому завалился на свою полку и уснул.

Утро выдалось морозное, но ясное, и я сразу пошел к замку. Это была самая настоящая крепость, непреступная и мрачная, но вместе с тем удивительно романтическая. Сразу вспоминались легенды о короле Артуре и рыцарях круглого стола, Тристан и Изольда, меч в камне, владычица озера и так далее. Я почти был уверен, что в ту самую минуту за стенами этой твердыни проходил рыцарский турнир.

После замка я отправился к университету, чей купол царил над нижним городом, побродил по центру, послушал волынку и посмотрел на настоящих шотландцев в килтах. В общем, выполнил программу-минимум. Все, что случилось со мной после, было уже приятным дополнением.

Шатаюсь по университетскому району, я набрел на небольшое кафе с самым чудесным из возможных названий – «Чай и Симпатия». На стекле одного из окон было написано: «Ничто так не решит твои проблемы, как немного чая и симпатии». Надо было быть железным, чтобы пройти мимо такого гостеприимного места!

Я зашел и тут же понял, что это было не просто место, где кто-то работал, а кто-то отдыхал. Это был дом, у которого были хозяева, а все, кто приходил в него, были друзьями и гостями, и каждого здесь ждали. По стенам зала стояли стеллажи, на полках которых были расставлены книги, и некоторые из тех, кто сидел за столиками, были погружены в чтение.

За прилавком стояли парень и девушка, которых я бы принял за брата и сестру. У обоих были короткие черные волосы, пребывающие в полном беспорядке, оба были такие хрупкие, что мне захотелось накормить их. Они были похожи на птичек, на галчат. Я подошел и увидел бэджи на форме. Девушку звали Наташа, парня – Мэтью.

– Здравствуйте, чем Вас угостить? – спросила Наташа.

– М... чаем и симпатией, я так полагаю?

Мне выдали огромную кружку ароматного чая, в котором плавали кусочки яблока и палочка корицы, к которому я попросил кусок яблочного штруделя, а потом я выбрал столик у одного из книжных шкафов и стал греться.

На двери звякнул колокольчик, и вошел какой-то парень, ведя за руку девочку лет пяти. У парня было очень открытое доброе лицо, которое покрывала светлая короткая борода или, скорее, щетина, что шло ему, добавляя мужественности, и он, как и я, был очкариком, и стекла его очков тут же запотели, когда он попал с холода в тепло. У девочки были великолепные длинные, до талии, темные волосы, блестящие и выющиеся такими локонами, которым позавидовала бы даже голливудская актриса, проведя три часа в салоне красоты. Но сама девочка была очень худенькая, бледная, и я с ужасом заметил желтеющие пятна синяков на ее лице. Но я ни секунды не сомневался, что парень, державший ее за руку, был в них не повинен.

– Привет! – обратился он к бариста, – мы пришли, как и обещали.

Ребята выскочили из-за стойки. Девочка испугано прижалась к ноге своего... отца? Брата? Дяди? Э... навскидку я не смог это определить. Наташа присела на корточки, а Мэтью опустился на колени перед девочкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.